

Помнишь, как шел
Ошалелый паяц
Перед шеренгой
На апельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере -
Мертвые в пляс.

ТУМ БАЛАЛАЙКА

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки -
среди пепла!

А. Галич

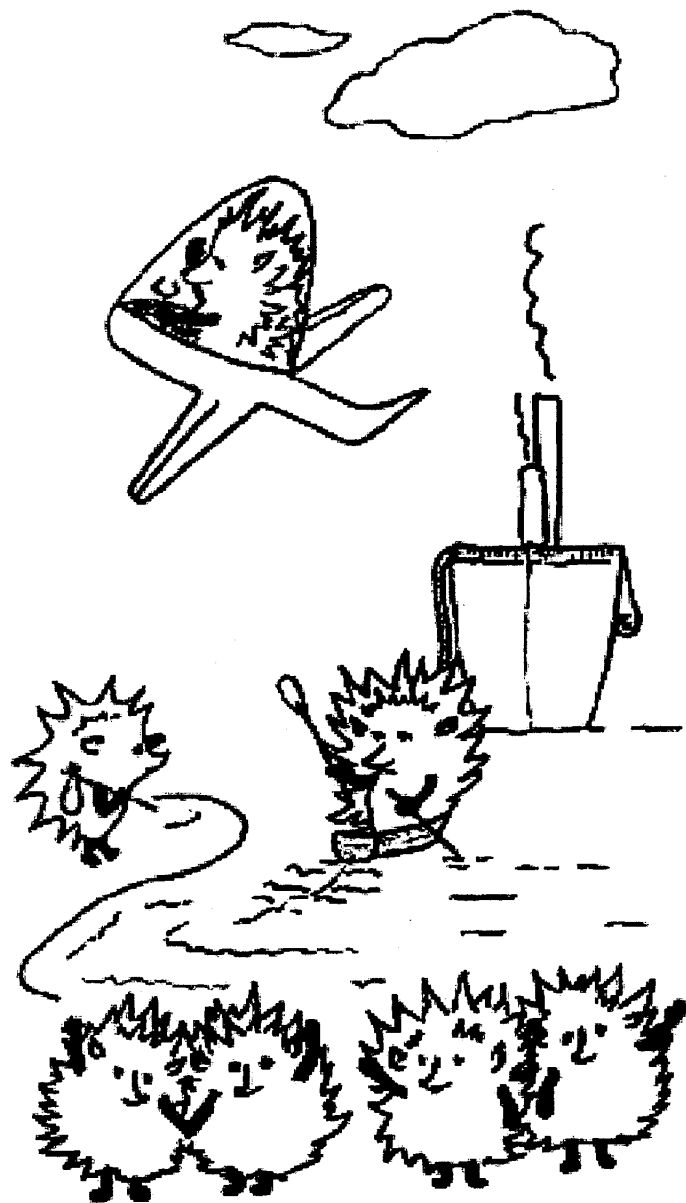
Все ли о том спето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

антифашистская газета
ВОЛЬНЫХ ЕЖЕЙ

июль-декабрь 2000 г.

N 17

ТУМ-балалайка

прощается с вами!

В НОМЕРЕ:

Материалы семинара на тему «Дискриминация людей с психическими и физическими особенностями. Проблемы интеграции»

История отношения к инвалидам во французском обществе (от средних веков до наших дней) с. 2-3

История уничтожения пациентов киевской психоневрологической больницы им. Павлова во время немецко-фашистской оккупации 1941-1943 годов с. 4

Стерилизация и «светлое будущее» с. 5-6

Интеграция в общество людей с психическими нарушениями с. 6-8

Интеграционная школа «Новчег» с. 8-9

Дискуссия на семинаре 7 ноября 2000 года с. 10

Националисты примеряют новые маски
Кризис или новая тактика? с. 11-12

Антифашистская хроника
Акция 9 ноября с. 13-14

«Дело государственной важности»
Государственный антифашизм в Германии с. 14-16

Переписка с. 16-20

Антииммиграционная политика Европы с. 21-23

Реквием по беззащитным
киноревию с. 24-25

Сказание об истребленном
еврейском народе
Из истории Сопротивления с. 26

Книжкино ревию с. 27-28

7 ноября 2000 года «Мемориалом» был проведен очередной семинар на тему «Дискриминация людей с психическими и физическими особенностями. Проблемы интеграции». Мы благодарим за участие в семинаре сотрудников Кризисной службы Петербурга, организацию «Восхождение», выпускников школы «Ковчег» и лично Л. В. Григорьеву за оказанное гостеприимство.

История отношения к инвалидам во французском обществе (от средних веков до наших дней)

Средние века: благотворительность и искупление грехов

В средние века калеки являлись прежде всего объектом христианской добродетели. Они составили одну категорию населения с бедняками и стариками. В монастырях к ним относились как к гостям, ведь в Евангелии сказано, что они первыми окажутся в Царстве Христовом. Живя на пожертвования родственников, соседей и прихожан, инвалиды занимали строго определенное положение в обществе. Их особой функцией было искупление грехов богатей. С одной стороны, ими восхищались из-за близости их судьбы с судьбой Христа. С другой стороны, они внушали тревогу и страх.

Гуманизм = маргинализация

По мере того как гуманизм приносил в общество новые ценности, обращение с калеками переходило из ведения церкви в область социальной морали. С кризисом феодализма общество приняло в качестве классификационного критерия материальное благосостояние. Таким образом, произошел раскол между миром успеха, богатства и могущества и миром неудачи, бедности, социальных низов. Так же как бедняк, старик и проститутка, калека был отброшен на периферию общества; при этом у него одного было право просить милостыню, по крайней мере до середины XIV века. Впрочем, история помнит и судебные процессы против попрошайек, притворявшихся увечными. Королевский абсолютизм изолировал калек в приютах и работных домах. В 1656 году королевский эдикт запретил попрошайничество как дееспособным, так и недееспособным гражданам.

Гуманизм утвердил принцип персональной ответственности как за успех, так и за поражение, и те, кто не соответствовал гуманистическому идеалу, осуждались с моральной точки зрения. На калек начали смотреть с недоверием, и милосердие по отношению к несчастному стало синонимом его изоляции.

1789–1905: общественная благотворительность и маргинализирующие институты

Недоверие долгое время окрашивало отношение французского общества к калекам. В первой половине XIX века появился Комитет по нищенству. Благотворительность стала рассматриваться как гражданский долг. Ларошфуко-Лианкур разработал комплексную стратегию по отношению к безработным, нищим, калекам и неизлечимо больным. Они получили гражданские права, могли быть низкооплачиваемыми работниками, кроме того, они получили «юридическую привилегию» на право просить милостыню. Признавая за ними равные с другими права, их парадоксальным образом продолжали подозревать в праздности. Комитет по нищенству основывался на трех принципах, объединявших государственное перераспределение и недоверие: борьба с бродяжничеством, создание приютов в каждом департаменте и борьба с праздностью посредством фиксации поденной заработной платы.

Юродивые в средневековой Франции

Дифференцированный подход к обычным работникам и к инвалидам нашел особенно яркое выражение в дебатах 1848 года. В политическом дискурсе появился новый концепт солидарности. Он охватил и общественную, и частную благотворительность. Однако этот момент нельзя признать поворотным в отношении к инвалидам, потому что солидарность понималась как условие сохранения социального порядка, который на деле порождает нищету и зависимость. Инвалид не являлся деятельным субъектом индустриального мира: он всегда находился в социальной изоляции.

По мере появления новых законов светские республиканские институты брали на себя заботу о нищих и инвалидах. В начале XX века появилась альтернатива между страхованием, не исключавшим инвалида из общественной жизни, и общественной благотворительностью, подразумевавшей некую неполноценность ее объектов. В это время преобладала общественная благотворительность, которая одновременно служила полицейским целям контроля над бродяжничеством. В 1905 году появился закон, согласно которому не имевшие определенного места жительства инвалиды должны были находиться в приюте. С этих пор социальная политика по отношению к инвалидам прешла в ведение таких общественных инстанций, как коммуны и генеральные советы. Уже в это время различным аспектам жизни инвалида была придана юридическая форма: эта тенденция будет усиливаться на протяжении всего XX века.

Первая мировая война: перелом в сознании?

Переломным моментом стала Первая мировая война, в результате которой общество должно было взять на себя ответственность за сотни тысяч людей, покалеченных в боях за отечество (388 тысяч калек, 1 миллион дееспособных инвалидов и сотни тысяч душевнобольных). Инвалиды войны основали общества бывших воинов, и те стали играть все более важную роль в социальной и политической жизни страны. Они пользовались народной поддержкой и старались показать отличие инвалидов войны от гражданских инвалидов. В первое время после окончания войны политика по отношению к инвалидам отличалась от общественной благотворительности и изолирования, характерных для прежних времен. Идея солидарности нашла выражение в профессиональном статусе инвалидов: следовало вернуть инвалидов к социальной жизни и к производству, в частности в области сельского хозяйства, потому что в области промышленности тейлоризм не оставил для них места. (Отметим, что вопрос солидарности с инвалидами из колоний поднимался крайне редко; некоторые парламентарии утверждали даже, что, если им предоставить те же пенсии, что и инвалидам в метрополии, «они погрязнут в лени, пьянстве и разврате».)

Но вскоре судьба инвалидов Первой мировой войны стала походить на участь гражданских инвалидов. Когда период нехватки рабочих рук закончился, инвалидов стали считать «обузой для предприятий» (показательны в этом смысле дебаты по подготовке закона от 24 июня 1924 года об обязательной занятости инвалидов). Благодаря получению особо-

го политического и юридического статуса, инвалиды стали частью промышленного общества. Однако французскому обществу не удалось справиться с недовольством сотен тысяч человек. Провозглашенные сначала героями, а затем ставшие обузой, инвалиды испытывали горечь по отношению к несправедливости общества — и это чувство парадоксальным образом помогло утверждению режима Виши.

Отметим, что в период между Первой и Второй мировыми войнами появился также ряд ассоциаций гражданских инвалидов. Например, в 1933 году была создана Ассоциация парализованных больных Франции, создавшая сеть взаимопомощи (уход, предоставление специального оборудования, образование). В это время был разработан понятийный аппарат, различавший людей с врожденными и приобретенными аномалиями, тех, кто был ранен на войне или стал инвалидом в результате несчастного случая на работе, и тех, кому постоянно нужна помощь третьего лица.

Режим Виши: между патернализмом и пассивным убийством

Политика по отношению к инвалидам в период режима Виши представляла собой клубок противоречий. В логике режима Виши, опиравшегося на семью, частная благотворительность вновь стала основным способом помощи инвалидам. Инвалиды Первой мировой войны находились в привилегированном положении и получали даже прибавку к пенсиям, так как некоторые из руководителей ассоциаций бывших воинов поддерживали маршала Петена. Что касается пострадавших в результате несчастных случаев на работе, они тоже пользовались особым расположением режима и получали бесплатные протезы. Петен поддерживал также инициативу ассоциации парализованных больных Франции, ратовавшей за социальное признание гражданских инвалидов.

Но политика режима по отношению к инвалидам не исчерпывалась этими патерналистскими инициативами, рассчитанными на рост популярности. Как и евреев, инвалидов считали человечески и экономически неполноценными. Так, специальный декрет запрещал наем на работу людей с физическими недостатками. В июле 1942 года было запрещено допускать в область народного образования всех людей «с заразными болезнями и пороками физического строения, которые делают их непригодными к исполнению образовательных функций». Этот критерий «физиологической ценности» позволял избавляться от людей с самыми разнообразными болезнями и особенностями — от бронхита до заячьей губы. В декрете делался также намек на так называемые «уродства назальной пирамиды», которые в случае семитской характеристики служили основанием для депортации. Эти декреты были отменены лишь в августе 1949 года.

С другой стороны, тысячи инвалидов и душевнобольных умерли от голода во французских психиатрических лечебницах. Этот факт стал достоянием общественности лишь спустя многие годы после освобождения. Макс Лафонт в своей книге «Тихое уничтожение» говорит о 40 тысячах больных, умерших в больницах между 1940 и 1945 годами. Нельзя сказать чтобы врачи намеренно издевались над своими пациентами — причиной этих страшных деяний служило всеобщее равнодушие. Происходило «тихое убийство» людей с психическими расстройствами и неизлечимо больных: оно не так бросалось в глаза, как в Германии, но было продиктовано той же идеологией евгеники. Правомерно говорить как об официальных, так и о неофициальных репрессиях во время режима Виши. Этот страшный период нельзя сравнивать с современной ситуацией, но вспомним, что и сегодня административные барьеры ограничивают инвалидам доступ к преподавательским должностям.

Современные тенденции и проблемы: статус, права, дискриминация

После 1949 года условия работы инвалидов значительно изменились. «Мастерские охраняемой работы» и «центры помо-

щи посредством работы» начали признавать за работой инвалидов терапевтический характер. Речь шла о «социальных» предприятиях, где работники-инвалиды работали в своем ритме, подчиняясь правилам, отличным от правил обычного мира. У них был особый профессиональный статус: меньше ответственность, но ниже и зарплата (закон разрешал двадцатипроцентное снижение минимальной зарплаты при низкой выработке). Кроме того, инвалиды не имели профсоюзных прав.

В 1957 году появился закон об обязательном предоставлении инвалидам работы. С этих пор юридический статус препятствует их исключению из социальной жизни, но способствует их маргинализации: они почти никогда не получают престижных и ответственных должностей, а их зарплаты не могут обеспечить экономическую независимость, обрекая большинство инвалидов на зависимость от государственных пособий. Политика по отношению к инвалидам ограничивалась финансовой поддержкой и не затрагивала социальных отношений. В 1968 году вышел закон, ставящий под вопрос юридическую правоспособность инвалидов, что усилило их социальную отъединенность. Стремление защитить особо хрупких и уязвимых людей, с помощью системы социального контроля, призванной управлять их жизнью, привело к уменьшению индивидуальной свободы инвалидов. Все предусмотрено, предугадано, зарегистрировано: как места работы, так и места отдыха. В 1975 году появился закон, поставивший своей целью заменить благотворительность государственной солидарностью, социальные и административные технологии сегрегации — интеграцией в обычную среду. Затрагивая широкий круг вопросов: жилье, школа, доступность общественных учреждений, социальные права, — он поставил перед собой задачу превращения инвалидов в полноправных граждан и субъектов права. Но настоящей интегрирующей политики так и не возникло.

Между 1975 и 1987 годами основной темой дебатов было определение понятия «инвалид» и классификация инвалидов. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций предложила называть инвалидом «человека, не способного самостоятельно удовлетворять часть или всю совокупность потребностей нормальной личной и социальной жизни по причине врожденного или приобретенного дефекта физических или умственных способностей». Во Франции выделяют три класса инвалидов в зависимости от тяжести порока. Специальные организации определяют, кого можно считать инвалидом, в какой степени и какова его пригодность к работе. В 1987 году появился закон, вменяющий в обязанность предприятиям с более чем двадцатью работниками предоставлять 6% рабочих мест инвалидам. Но исследования показали, что этот закон имеет и отрицательные последствия. Если инвалид хочет найти и сохранить за собой рабочее место, он должен оставаться в определенной медико-психологической категории, а это тоже определенного рода дискриминация, санкционированная законом. Специалист по истории инвалидов Паскаль Диногуцци видит в мании создания терминов отголосок тоталитарной идеологии. Основная проблема, которую сегодня необходимо решить во Франции, заключается в себе следующий парадокс: как гарантировать инвалидам защиту и особые права, не дискриминируя их, рассматривая их как полноценных сограждан, призванных войти в общество полноправными субъектами?

Положение инвалидов никогда еще не было столь благополучным. Современную ситуацию нельзя даже сравнивать с социальной изоляцией инвалидов эпохи Просвещения или с «тихим убийством» при режиме Виши. Тем не менее во Франции предстоит еще многое сделать. Жизнь инвалидов будет уныло окольцована административными предписаниями, пока общество не возьмет на себя смелость предоставить слово им самим.

История уничтожения пациентов киевской психоневрологической больницы им. Павлова во время немецко-фашистской оккупации 1941–1943 годов

После того как 19 сентября 1941 года Киев был оккупирован, немецкая фашистская администрация начала активно проводить политику тотального уничтожения по отношению к еврейскому населению. Такие же действия были предприняты и в психоневрологической больнице им. Павлова: невдалеке от больницы были расстреляны 311 душевнобольных-евреев. Затем фашисты начали постепенное уничтожение всех больных. Их уже не расстреливали: они нашли смерть в так называемых «газ-вагонах», более известных как «душегубки», — эти машины и их устройство подробно описаны в книге Анатолия Кузнецова «Бабий Яр». Такова общая фабула трагедии, происшедшей в Павловской больнице во время Второй мировой войны.

Анатолий Кузнецов в своей книге выдвигает следующую, отличающуюся от полученной мной, версию происшедшего.

«На Куреневке, над самым Бабьим Яром, есть большая психиатрическая больница имени Павлова. Ее корпуса раскиданы в великолепной Кирилловской роще, и там еще стоит древняя церквушка двенадцатого века; забытая и запертая, она потихоньку разрушалась, а мы, пацаны, проникали в нее, облазили до самых куполов и видели позднейшие росписи Врубеля, о которых мало кто знает.

14 октября к этой церквушке прибыл немецкий отряд во главе с врачом, с невиданными дотеле машинами-душегубками.

Больных партиями по 60–70 человек загоняли в душегубки, затем минут пятнадцать работал мотор, выхлопные газы поступали внутрь фургона, люди задыхались — и их выгружали в яму. Эта работа шла несколько дней, спокойно и методично, без спешки, с обязательными часовыми перерывами на обед.

В больнице были не только сумасшедшие, но и множество людей, лечившихся от нервных расстройств, всех их зарыли в ямах Бабьего Яра. И вот что примечательно: после чудовищных первых дней Бабьего Яра уничтожение огромной больницы прошло малозаметно и даже как-то буднично... И правда, что на свете все относительно» (Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. Киев: Радянський письменник, 1991. С. 113).

На начало Великой Отечественной войны на учете в психоневрологической больнице состояло 1300 пациентов. Больницу эвакуировать не успели или не захотели, но часть персонала уехала из Киева до оккупации. В частности, эвакуировался главврач Закс, врачи Нодельман и Бендерский. Проще говоря, хотя политика немцев относительно еврейского населения и замалчивалась, но слухи про Холокост уже дошли до Киева и врачи с еврейской 5-й графой покинули город. Расстрел пациентов Павловки произошел вскоре после трагедии 29 сентября в Бабьем Яру. 14 октября по приказу немецкой администрации были отобраны 311 больных-евреев. А затем их расстреляли в орешнике, расположенном за 8-м отделением. Расстрел происходил днем, могилу копали военнопленные.

Любовь Дворанинова-Панченко до войны и в 1941 году до высылки в Германию жила во дворе больницы. Мать работала в больнице санитаркой (фактически — буфетчицей), отец — рихтовщиком на заводе «Метиз». Из-за бедности им не удалось уехать из Киева, поэтому они остались в оккупации. Отец ушел на фронт и домой не вернулся. В 1941 году Любви Антоновне было 17 лет.

По ее рассказу, недели через две-три после трагедии 29 сентября больных-евреев свели к 8-му отделению, якобы для дальнейшей эвакуации. Сразу за отделением началась ро-

ща. Потом пациентов отвели на кладбище (где хоронили сотрудников больницы) и расстреляли. Во время расстрела она бегала во дворе с другими детьми и слышала выстрелы.

Затем были методично уничтожены все остальные пациенты. По словам Двораниновой-Панченко, это происходило так: машина подъезжала к отделению, больных небольшой партией сажали в газ-ваген. Затем машина ехала к клубу, расположенному на территории Павловки. Там до 1935 года была трапезная церквушка — одноэтажное здание желтого цвета. Сейчас там опять церковь (Трапезна церква Кирилівського монастиря, кївської митрополії). До клуба ни один из больных живым не доезжал. Их трупы складывали в здании клуба, а затем хоронили. Где — неизвестно, можно предположить, что там же, в Бабьем Яру. Место захоронения расстрелянных пациентов известно. Впрочем, на этом месте так и осталась роща.

Согласно архивным данным СБУ (Музей Історії КМКПЛ №1), таким образом было уничтожено 440 пациентов: 360 из них — в 1941 году, в марте 1942 года — еще 50, 17 октября 1942 года — еще 30. Всего, вместе с расстрелянными, был уничтожен 751 пациент.

В период оккупации главврачом вместо Закса стал Мусий Дорофеевич Танцюра. Вместе с фельдшером Анием Захаровичем Мазуром, врачом Татьяной Кирилловной Капустянской и врачом Пенской он начал срочно выписывать пациентов. Надо сказать, что пациентами больницы были не только люди с тяжелыми душевными расстройствами, но и лечившиеся от алкогольного психического расстройства и т. п. Не удалось установить, кто были эти больные, какой национальности и сумели ли они спастись от расправы.

После освобождения Киева, 3–4 апреля 1944 года, в отношении главврача Мусия Танцюры и фельдшера Аниана Мазура Военный трибунал войск НКВД возбудил дело. Оба оказались в следственном изоляторе на Лукьяновке. Их обвинили в том, что во время оккупации они помогали фашистам уничтожать пациентов больницы. Танцюра получил пять лет лишения свободы, Мазур — три года. На суде, благодаря свидетельствам персонала больницы и родственников пациентов, вина Танцюры и Мазура не подтвердилась. Наоборот, оказалось, что после расстрела больных-евреев в октябре 1941 года, опасаясь дальнейших репрессий, медперсонал по инициативе главврача больницы начал массовый роспуск больных и что до декабря 1941 года удалось выписать из больницы 500 человек.

Кроме того, выяснилось, что Танцюра и Мазур уговаривали людей, которые приводили новых больных, не устраивать их в больницу. Так им удалось значительно сократить приток новых пациентов.

22 февраля 1946 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор Военного трибунала войск НКВД Киевской области от 3–4 апреля 1944 года на основании отсутствия в действиях Танцюры и Мазура состава преступления. Тем самым они были реабилитированы. Следы врача Пенской потеряны. Татьяна Капустянская умерла в 1967 году. Николай Беспальчук, занимающийся созданием музея больницы, вспомнил, что лично работал с ней в 1961–1964 годах.

Стерилизация и «светлое будущее»

В 1932 году в Швеции пришло к власти социал-демократическое правительство во главе с Пером Альбином Ханссоном. Началась эра правления Социал-демократической рабочей партии Швеции, продолжавшаяся почти непрерывно на протяжении сорока четырех лет. В 1934 году шведским парламентом — риксдагом — был принят закон о стерилизации, который разрешал в определенных случаях проводить операции над людьми без их согласия. По этому закону допускалась стерилизация людей, которые считались неспособными понять значение этой операции. В 1941 году был принят новый закон, в целом опиравшийся на принцип добровольности, но по-прежнему разрешавший принудительную стерилизацию так называемых неправоеспособных лиц. Принудительная стерилизация, согласно закону, могла применяться на основании евгенических, социальных или медицинских показаний.

В 1976 году социал-демократы впервые потерпели серьезное поражение на выборах и вынуждены были перейти в оппозицию. В том же году вступил в силу новый закон, действующий и поныне и запрещающий всякую принудительную стерилизацию. Он разрешает стерилизацию лишь на основании заявления пациента, причем для лиц моложе 25-летнего возраста требуется согласие соответствующих государственных служб.

Всего за 1935–1976 годы было проведено 63 000 операций по стерилизации, из которых примерно половина была совершена по доброй воле пациента. Около 9% были явными случаями насильственной стерилизации, когда отсутствовала даже формальная просьба пациента о проведении операции. Около 24% операций были проведены формально по просьбе пациента, однако обстоятельства дела заставляют предполагать, что имело место скрытое насилие. Так, стерилизация предлагалась пациентам в качестве обязательного условия для аборта или выписки из лечебного заведения. Примерно в 10% случаев можно говорить о давлении на пациента. По оставшимся 7% операций недостаточно информации для того, чтобы их классифицировать.

Насильственная стерилизация преобладала до 1950-х годов, тогда как позднее подавляющее большинство стерилизованных подвергалось операции добровольно. Если до этого времени основаниями для назначения операций чаще служили соображения демографической политики и расовой гигиены, то впоследствии на первом плане оказались факторы социальной политики и планирования семьи. До 1950-х годов основным критерием принятия решений были интересы общества, позднее — интересы личности.

Есть все основания говорить о том, что стерилизация, в том числе и насильственная, в большей мере коснулась групп с низким социальным статусом и некоторых меньшинств. В 1940-е годы значительное число людей подверглось стерилизации на основании их устной отсталости. В 1960–70-е годы значительно возрастает доля женщин из семей, иммигрировавших в Швецию по экономическим соображениям, — напомним, однако, что в этот период стерилизация осуществлялась уже главным образом на добровольной основе. С другой стороны, соображения этнической принадлежности пациента большой роли не играли: возможно, до середины 1950-х годов примерно 600–700 человек были стерилизованы потому, что государственные службы классифицировали их как «tattare» — слово, которое в шведском языке может обозначать и шведского цы-

гана, и просто бродягу. С другой стороны, более определенный термин «zigenare» («цыган») в документах практически не встречается; не были объектом насильственной стерилизации и шведские саами.

93% людей, подвергшихся стерилизации в рассматриваемый период, составляют женщины, к концу периода их доля возрастает до 99%. Из этого, однако, не следует, что политика стерилизации была направлена в первую очередь против женщин: напротив, в 1940-е годы, когда стерилизация проводилась в первую очередь по евгеническим соображениям, доля мужчин была максимальна и достигала одной трети. Дело в том, что стерилизация по медицинским показаниям, которые основываются исключительно на интересах пациента, а не на соображениях общественной пользы, может быть предложена только женщине. Более того, только в случае с женщиной-пациентом стерилизация без добровольного и ясно осознанного согласия пациента иногда все же может иметь некоторое моральное оправдание: возможна ситуация, когда беременность угрожает жизни женщины, а сама она не способна уяснить ни этой угрозы, ни значения операции по стерилизации. Таким образом, вопрос о гендерном аспекте политики насильственной стерилизации лучше оставить открытым.

Когда в 1997 году шведское правительство признало, что случаи насильственной стерилизации имели место в Швеции вплоть до 1976 года, это вызвало бурную дискуссию в Швеции и оживленное обсуждение в мировых средствах массовой информации. Была назначена особая правительственная комиссия, которая подготовила к началу 2000 года пространственный доклад, подробно рассматривающий все аспекты проблемы, в том числе вопрос об ответственности за насилие над людьми.

До сих пор иногда раздаются голоса, что после крушения нацистского режима в Германии насильственная стерилизация проводилась только в Швеции, была неким исключительно шведским отклонением от нормы, наподобие шведской семьи.

В действительности Швеция не была единственной страной, где существовали законы о принудительной стерилизации. Подобное законодательство еще в 1907 году было принято в американском штате Индиана, а позднее, в 1920–30-е годы, в других североευропейских странах, в одном из швейцарских кантонов и в Германии. В ряде стран принудительная стерилизация по тем же соображениям, что и в Швеции, осуществлялась без принятия соответствующих законов. В Австрии, по некоторым данным, принудительная стерилизация людей с психофизиологическими особенностями продолжалась и в 1990-е годы. С другой стороны, в некоторых странах, где этот вопрос обсуждался, принудительная стерилизация была отвергнута. Сопоставить масштабы насильственной стерилизации в Швеции и других странах пока не представляется возможным ввиду недостатка сведений. Именно прочно укрепившийся в шведской политической культуре принцип полной открытости государства перед обществом в конечном итоге позволил шведам публично обсудить эту печальную страницу истории своей страны.

Существует соблазн истолковать политику стерилизации как один из многочисленных «перехлестов», допущенных шведскими социал-демократами за многолетний период пребывания у власти. Однако едва ли можно напрямую

связывать политику насильственной стерилизации с идеологией социал-демократии: в конце концов, закон 1976 года был также разработан и проведен через риксдаг социал-демократическим правительством Улофа Пальме. К тому же доподлинно известно, что в 1930-е годы все ведущие политические партии Швеции были согласны с идеей насильственной стерилизации разного рода «неполноценных» элементов. Однако и то, что период, когда принудительная стерилизация была законодательно разрешена, приходится именно на «социал-демократическую эру», тоже не простое совпадение. Во времена своего наивысшего политического могущества шведская социал-демократия была всего лишь одним из наиболее радикальных сторонников переустройства общества на основе рационализма и коллективизма. Социал-демократы не бросались в крайности: мирились с рыночной экономикой, защищали идеалы плюрализма и демократии. И все же некоторые их политические шаги вполне соответствовали гитлеровской доктрине расовой чистоты.

Излишнее доверие к науке, стремление к «научной организации» всех сторон жизни общества, готовность пожертвовать индивидуальной свободой ради коллективного благополучия были характерны в разной степени для всех ведущих политических идеологий XX века. Именно в этом и состоит важнейшая причина неспособности демократических сил с самого начала разглядеть то зло, которое нес с собой фашизм. Нацисты довели рациональность до логического предела, за которым она превращается в абсурд, в кошмар газовых камер и безумие войны за мировое господство. Однако сегодня становится все более очевидным,

что этот опасный предел был достигнут и многими другими провозвестниками «светлого будущего». В середине минувшего века человечество получило весьма болезненный урок, научивший его гораздо больше ценить личную свободу и ставить права конкретного человека выше абстрактных идеалов нации, класса или прогресса. С этой точки зрения шведам более всего следует стыдиться не массовой насильственной стерилизации 1930–40-х годов, а единичных случаев насилия над человеческой личностью в 60–70-е годы. К сожалению, маленькой нейтральной Швеции потребовалось тридцать лет, чтобы усвоить страшный урок XX века; прошло еще два десятилетия, прежде чем шведы, отказавшись наконец от наивного самодовольства, смогли дать оценку своему прошлому. Россия, как это ни печально, избрала другой путь: под звуки музыки Александра общество сегодня занято героизацией позорных страниц своей истории.

В. Игнатьев

Использованы материалы доклада шведской правительственной комиссии:

Steriliseringens frågan i Sverige 1935–1975. Historisk belysning — Kartläggning — Intervjuer. Slutbetänkande från 1997 års steriliseringsutredning. Statens offentliga utredningar 2000:20.

Доклад опубликован в том числе и в Интернете по адресу:

<http://social.regeringen.se/propositionerm/sou/index.htm>

Интеграция в общество людей с психическими нарушениями

Разговор об интеграции — это прежде всего разговор о проблеме инакости людей с различными особенностями развития, по большому счету — вообще с личными особенностями. Понятие инвалидности не только не отражает сути этого явления, но во многом является тормозящим и даже разрушительным фактором, потому что инвалид — это человек, который так или иначе заклеен обществом как человек иной, как человек с определенными недостатками.

Есть разные подходы к понятию интеграции. С одной стороны, интеграция — это то, что думающая здоровая часть нашего общества хочет сделать для слабых, для людей со сложными проблемами, например инвалидов. Это их, здоровых, активное участие, активная поддержка, они протягивают руку: «Я хочу помогать». Другой аспект интеграции — это желание самих людей, возможности которых ограничены особенностями их развития, ощущать себя свободными членами общества, иметь некоторую самостоятельность, независимость, не чувствовать, что на них лежит роковая печать.

Под людьми с психическими нарушениями я буду подразумевать как психически больных, «душевнобольных» — людей с тяжелейшими расстройствами, классическими психотическими состояниями, скажем эпилепсией, нейросифилисом, детей с различными формами умственного недоразвития, так и тех, кто страдает теми или иными нервно-психическими расстройствами. К тому же существует целый диапазон различных состояний, начиная от особенностей развития личности до реакций, которые в какие-то моменты своей жизни испытывает каждый из нас и которые могут сделать нас сво-

его рода «выпадающими существами». Скажем, я не совсем полноценное существо, потому что я заикаюсь. Уже поэтому меня можно «обвести кружочком» и иметь в виду. Могут ощущать себя не совсем полноценными с точки зрения психического развития и те астматики, чья болезнь связана в основном с нервными расстройствами. Люди, у которых, скажем, обострение язвенной болезни происходит на фоне всевозможных стрессов, тоже пусть не испытывают никакой надежды на то, чтобы считаться психически благополучными. В нашей стране, как и во всем мире, появляется все больше и больше детей, которые при высоком интеллекте, при общей развитости страдают дисграфией — врожденной неспособностью к грамотному письму. Еще лет десять назад, соответственно тем рекомендациям, которые выдавала наука, — и не только у нас, а во всем мире — детские психиатры говорили: «Увы, проблема тяжелая, и максимум, что мы можем предложить такому ребенку, — это школа для детей с речевыми расстройствами».

По статистике, на сегодняшний день в Санкт-Петербурге 80 тысяч человек, и детей и взрослых, имеют различные нервно-психические нарушения, расстройства и реакции. Из них 20 тысяч детей находятся под систематическим наблюдением врача и получают помощь. Таким образом, проблема интеграции вполне актуальна и для нашего города, и для общества в целом.

Интеграция в общество людей с психической патологией напрямую связана с той степенью терпимости к проявлениям инакости, которой обладает само общество, — с тем, на-

Диапазон мифов в отношении душевнобольных в нашей стране широк: от страха «психического заражения» до отождествления этих людей с маньяками и агрессорами. Понимание и отклик, в силу исторической традиции, находят лишь выдающиеся люди искусства и науки, страдающие душевными расстройствами. У нас принято копаться в личной жизни людей, стоящих выше нас, сочувствовать им.

Семья, в которой кто-то из ее членов психически больной, переживает, как правило, отчуждение и самоизолируется. Особенно, по моим впечатлениям, эта тенденция была прочна в кавказских республиках. На Кавказе иметь в семье душевнобольного ребенка — это страшно, стыдно и позорно. Не страшно, например, иметь сифилис, гонорею, почетно иметь туберкулез, но быть психически больным нельзя.

В нашей стране для людей с психической патологией практически отсутствует возможность продолжать квалифицированную работу. Здесь вина работодателей, а не злыденных психиатров. Низкоквалифицированный труд в лечебно-трудовых мастерских и мизерная пенсия по инвалидности — вот максимально возможная социальная поддержка психически проблемных членов нашего общества. Отсутствует квотирование рабочих мест, широко распространено в западных странах. В Дании, например, 25% налогов тратится на социальные нужды. Там создана целая система адаптации людей с различными интеллектуальными нарушениями. Существуют специальные центры, где основную работу ведут не психологи и не врачи, а педагоги — специалисты по адаптации. Когда, по их мнению, человек готов выйти в жизнь (обычно к 18–19 годам), его устраивают на работу. Корпорациям благодаря государственной финансовой поддержке выгодно получить подобного работника, так что они за него даже борются. Выделяется соответствующее количество рабочих мест, укрепляются наставники; если что-нибудь не получается, в любой момент приглашаются специалисты-посредники, если же совсем ничего не получается — такой человек может вернуться в центр, получить психологическую поддержку, соответствующие профессиональные навыки и снова пойти на работу.

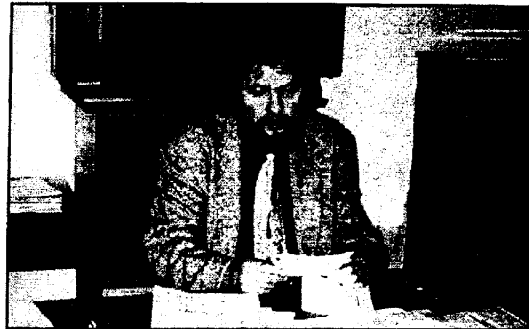
У нас это в принципе невозможно. В советские времена сотворились места для юного слесаря, для юного плотника в каком-нибудь коллективе спившихся рабочих, что было вовсе не хорошо. Сейчас, когда подростки, даже по рекомендации психиатра, обращаются на предприятия, им и этого не предоставляют.

В то же время большинство работодателей настойчиво пытаются получить информацию о том, состоят ли вновь принимаемые на работу сотрудники на психиатрическом учете, хотя юридически это правомерно лишь в случае тех профессий, где комплексная оценка здоровья просто необходима (пилот самолета, водитель автобуса и т. д.).

По-прежнему печальные чувства вызывает знакомство с перечнем ограничений по специальностям при поступлении

в средние и высшие государственные учебные заведения России. (В коммерческих вузах эти документы — справки из наркологических и психиатрических диспансеров, от участковых психиатров — обычно не требуются.)

Сейчас интеграция психически проблемных наших сограждан в здоровый социум, в частности в Санкт-Петербурге, происходит опосредованным образом — за счет того, что специализированная помощь оказывается им на более высоком уровне. Причем все это на фоне крайне усеченного, нищенского бюджета: в Петербурге есть программы по оказанию помощи, в том числе людям с психическими проблемами, но финансируется только зарплата и еще несколько жизненно важных статей расхода, да и то на 70%. Конкретных же программ, направленных непосредственно на интеграцию этой категории жителей нашего города, нет, равно как и специалистов по социализации таких людей. Сейчас социальные педагоги еще более или менее работают с детьми и с так называемым «гериатрическим контингентом», то есть с пожилыми людьми. Социальных работников по обслуживанию людей с теми

И. С. Бердышев

или иными чрезвычайными состояниями просто нет. И не будет.

Большинство специалистов, работа которых непосредственно связана с охраной психического здоровья населения России, считают, что общество еще не готово («не созрело») для полноценной интеграции людей, имеющих психические расстройства.

Проблемы интеграции становятся очевидными уже с детского возраста. Не так давно на сессии Российской Академии Наук как раз ставился вопрос об интеграции. Ученые мужи говорили о ее необходимости, но, когда их спрашивали, готовы ли они на базе своих школ интегрировать определенные группы проблемных детей, они ответили, что пока еще не готовы. Сейчас есть одна-единственная интеграционная школа — «Ковчег», возникшая без всяких постановлений сверху. Выпускается множество сборников по этой теме, есть различные педоцентрированные (то есть во главу угла ставящие ребенка) проекты педагогики; некоторые кафедры переименовываются в кафедры «философии и психологии детства», утверждается «гуманистическая парадигма в образовании», устраиваются большие конференции, а воз и ныне там.

Становится все больше детей с легкими формами психических нарушений, которые в дошкольных учреждениях, школах и досуговых центрах являются существами второго сорта. Прежде всего это касается детей с проблемами поведения и с минимальными мозговыми нарушениями (последствиями сотрясений мозга в результате уличных травм, спортивных занятий: вялостью, утомляемостью... Эти легкие нарушения пройдут при соответствующем грамотном подходе). У педагогов к таким трудно адаптирующимся к школе детям появляется негативное отношение, влекущее за собой требование к администрации учебного заведения исключить («убрать») неудобного ребенка из школы, перевести его в специальную («для умственно отсталых» или «для хулиганов», трудновоспитуемых) школу или, наконец, перевести его на надомное обучение — и все это по отношению к детям совершенно здоровым, которые по Конституции имеют все права обучаться в обычной школе. Как правило, в подобных ситуациях убедить учителей в том, что необходимо внимательно, с пониманием относиться к особенным детям, невозможно. Главное управление города по народному образованию также практически устранилось от подбора для таких учеников школ, где им были

бы гарантированы чуткое отношение и психологическая безопасность. Делают это чиновники от образования с большим трудом, крайне неохотно, давая понять, что каждая школа есть некая самостоятельная вотчина, где главенствует медико-педагогический или психолого-педагогический совет, и что вообще они очень не хотели бы вмешиваться. Есть и такая отговорка: школы все похожи, вы меняете шило на мыло.

Во многих классах при попустительстве взрослых здоровые и благополучные ровесники преследуют проблемных детей и подростков, систематически над ними издеваясь.

Ситуацию явно усложняет дискриминационно-сепарационная система подразделения классов в школе по «силе», «хорошести», «уму», создания классов компенсации и коррекции. Все — учителя, дети, родители — знают, что в классах «Д» и «Г» каждой параллели собраны самые слабые и проблемные ученики (которые о себе коротко и ясно говорят: «Да, мы класс отстоя»).

Многочисленные общества детей-инвалидов, например ассоциация «Даун-синдром», ведут преимущественно замкнутый образ жизни, не пытаясь активно сотрудничать с коллективами здоровых и благополучных детей. В то же время в УВМ «Детская психиатрия», где я работаю, в течение многих лет осуществляется деятельность, непосредственно связанная с интеграцией детей, имеющих различные психические нарушения, в среду здоровых ровесников. Там есть давно уже сформированное сообщество подростков (часть из них — бывшие пациенты, имевшие какие-то сложности, часть — пришла со стороны), которые объединяются по интересам, по направлениям волонтерства. Разумеется, и на Западе, в Америке существует много программ: «Подросток, помогающий подростку», «Ребенок, помогающий ребенку». В основе этих программ идея: помочь всем подросткам осознать необходимость человеческого отношения к инаким, воспитать милосердие. Я считаю, что будущее за теми школами, коллективами, сообществами, которые будут сознательно осуществлять программы интеграции.

Мне довелось узнать, как работает социальный педагог в одном маленьком американском городке с группой детского сада, в которую должна была прийти девочка Джейн, получившая тяжелые ожоги лица и рук. Эта женщина провела с детьми 5–6 игровых занятий: с помощью большой куклы она объясняла детям, что произошло с Джейн, как ей было тяжело, какие ей делали процедуры; рассказала, что сейчас Джейн будет такая-то, с такими-то повязками, а потом — с такими-то рубцами. Затем, когда Джейн уже начала ходить в группу, эта

женщина в качестве куратора какое-то время находилась там и наблюдала, как дети помогают Джейн и какая вообще нужна помощь.

Работа по интеграции помогает не только тем, кого вовлекают в жизнь нормального сообщества людей, — она увеличивает потенциал человечности у тех, кто это делает, и обладает мощным воспитательным воздействием. Приведу один пример.

Я консультировал детей с тяжелыми ожогами в Северо-Западном региональном центре по оказанию помощи детям и подросткам, перенесшим ожоги. Эти дети испытывают постоянную боль, кроме того, после ожогов лицо и тело остается обезображенным, и все это нужно помочь им пережить — помочь психологически. В этом Центре и родилась одна из идей нашего сообщества волонтеров, которая, параллельно нашей Кризисной службе, воплотилась в организации «Восхождение», куда вошли родители наших детей и подростков, специалисты и сами подростки. Узнав, что делаются попытки создавать волонтерские команды при нашей службе, два американских психолога попросили детишек — их было сначала 8 человек, совершенно здоровые дети, которым было просто очень неудобно в школе, — создать большую психотерапевтическую группу, и внедряли в нее постепенно детей с различными послеожоговыми поражениями лица. С детьми работали психолог и переводчица. На первом этапе дети просто проводили время у постели ожоговых больных: дурью маялись (это тоже нормально), играли с ними в шахматы-шашки, играли на гитаре. Они осваивались со спецификой жизни ожогового больного, видели, что такое ребенок, который получает перед перевязкой закись азота. Через три недели таких перевязок боль как таковая уходит, наркоз больше не дается, но остается страх боли — тогда и наступает переломный, самый ответственный момент. Через полгода эта программа была прервана по не зависящим от нас причинам, но наши дети были уже почти подготовлены к тому, чтобы проводить интеграцию.

И. С. Бердышев

Напоследок докладчик познакомил присутствующих с текстом Общественного договора об условиях нормального развития особенного ребенка. Автор этого проекта — творческий коллектив участников 6-й Всероссийской конференции по проблемам образования детей с особенностями развития. Общественный договор был опубликован в «Учительской газете» от 1 сентября 2000 года.

Интеграционная школа «Ковчег»

Интеграционная школа «Ковчег» была основана в Москве в 1991 году представителями лечебной педагогики. О «Ковчеге» на семинаре рассказали его выпускники.

Светлана, которая училась в этой школе с 1-го по 11-й класс, а сейчас является студенткой психологического факультета Московского университета, объяснила, что главная идея «Ковчеха» — это соединение детей с определенными проблемами в развитии и здоровых детей.

Сначала классы были маленькими, по 10 человек, соотношение в них было, как правило, такое: 9 человек здоровых и 1 ребенок с проблемами развития, — к последним относятся эмоциональные нарушения, социальная

дезадаптация, а также небольшие мозговые нарушения. Такой ребенок не нуждается в том, чтобы обучаться в специальном учебном заведении, но в то же время не может учиться и в нормальной школе, которая задает ему крайне жесткие рамки, слишком строго оценивает.

В «Ковчеге» почти все определяется запросами ребенка: режим предлагается такой, какой ребенку удобен, какой он может осилить; оценки ставятся тем детям, которым они нужны как организующий фактор, как стимул к учебе, если же оценки мешают ребенку учиться, их ему не ставят. Поэтому работа с детьми в этой школе — особенно с проблемными детьми — носит во многом индивидуаль-

ный характер. Стараются работать индивидуально и с родителями, потому что родители включены в обучение: их не вызывают, чтобы сделать выговор, — с ними сотрудничают, вместе определяют, как лучше данному ребенку учиться и развиваться.

Обучение в «Ковчеге» не сводится к интеллектуальному развитию, хотя, конечно, внимание ему уделяется. Самое главное, как сказала Светлана, социальная адаптация ребенка и воспитание в нем нравственности, духовности.

Интеграция, то есть объединение в одном коллективе, полезна как для аномальных детей, так и для здоровых. Для первых это возможность войти в общество и почувствовать себя равноправными его членами, для вторых — возможность научиться относиться к другим как к равным, принимать их такими, какие они есть, научиться терпимости.

Педагоги школы «Ковчег» — совершенно необыкновенные люди. Занимаясь не только с проблемными детьми, но также и с обычными и с одаренными, они стараются сделать обучение и общение в школе органичным и естественным. Кроме общепринятых школьных дисциплин, в «Ковчеге» есть множество разных мастерских, где дети могут заниматься и самостоятельно, и с преподавателем, и, по желанию, факультативно, и в обязательном порядке (как, скажем, в театральной мастерской, гончарной, кожевенной). Очень много времени уделяется детскому творчеству.

Эта школа как дом, некоторые дети проводят там все свободное время. Не хочешь идти домой — можешь оставаться в школе сколько угодно: заниматься чем-нибудь, скажем на скрипке играть, или просто на окне сидеть. Есть у «Ковчеха» свой летний лагерь, есть детский сад — прямо в школе, на 4-м этаже; в Кузьминках есть помещение, где дети могут жить, если у них не получается жить дома. Имеется массажный кабинет — и для детей, и для родителей, потому что родители ведь тоже бывают с проблемами.

Кирилл, также в свое время окончивший «Ковчег», теперь занимается иппотерапией (лечением с помощью лошади), является инструктором лечебной верховой езды. Вот что он добавил.

В этой школе отношения между взрослыми и детьми очень демократичны. В ней не существует звонков, кабинет директора находится в коридоре, и сам директор — нечто вроде большой мамы, у которой можно украсть ручку, а во время выпускного экзамена подбежать и спросить, каков правильный ответ.

За годы существования «Ковчеха» несколько изменился состав учащихся. Если сначала набирались дети с определенными проблемами в обучении, с нарушениями в эмоционально-волевой сфере, не было инвалидов, то теперь в школе появились ученики с более тяжелыми патологиями: аутисты, дети с шизофреническими синдромами, с болезнью Дауна. С ними педагоги занимаются в основном индивидуально, но, скажем, на занятиях в мастерских, на уроках физкультуры, театральных дела такие ученики находятся вместе со своим классом.

Таким образом, у детей, мягко говоря, малообучаемых появляется возможность получить образование. Школа дает обычный аттестат, который признается в любом высшем учебном заведении.

Кирилл привел пример с двумя тугоухими, которые учились в его классе, когда он заканчивал школу. Один из них, мальчик, практически ничего не слышал, не говорил, но

обучался наравне со всеми, без индивидуальных занятий. Слабослышащая девочка говорила и была полноправным членом коллектива, проблем в общении с ней не было. Сейчас она учится в Московском педагогическом институте на отделении дефектологии.

Сам Кирилл работает в Детском экологическом центре «Живая ветвь». Основной диагноз у детей, посещающих Центр, — детский церебральный паралич (сейчас в Москве примерно на тысячу рождающихся детей приходится один ребенок с ДЦП). Ведется работа и с детьми, страдающими аутизмом, олигофренией, дебильностью и имбецильностью, синдромом Дауна, а также с имеющими более легкие нарушения: гиперактивностью, недостатком внимания. Есть среди посещающих Центр дети с совокупностью заболеваний: например, олигофренической дебильностью, возникшей на фоне компенсированного ДЦП.

Главные направления деятельности Центра — реабилитация, коррекция и интеграция в общество детей с различными заболеваниями. Как правило, у ребенка-инвалида очень ограниченный круг общения: родители, педагог, врач; сведено к минимуму общение со сверстниками, со взрослыми людьми, скажем во дворе. Задача Центра — восстановить эти нарушенные связи, а кроме того, избавить ребенка-инвалида от гиперопеки со стороны взрослых (Центр работает именно с семьями, его не посещают дети из домов-интернатов).

В программу иппотерапии входит инвалидный конный спорт: дети с различными заболеваниями участвуют в соревнованиях, в том числе вместе с обычными взрослыми всадниками и их детьми. Даже те, кто имеет серьезные физические нарушения, обучаются езде на лошади, причем иногда достигают очень высокого уровня. Практикуются командные соревнования: команда состоит из одного ребенка-инвалида, допустим с синдромом Дауна, и взрослого спортсмена из числа сотрудников Центра. Проводятся инвалидные соревнования для детей с умственными заболеваниями (олигофренией и др.).

Перед каждым занятием обязательен расслабляющий массаж; с маленькими детьми занимаются лечебной физкультурой. В Центре работают психолог, логопед, стажеры из московских педагогических институтов; педагоги учат детей лепке, живописи. На занятиях по фольклору вместе присутствуют здоровые и больные дети.

Несколько пациентов Центра работают в нем — например, в должности секретаря-референта, в должности конюха. (Профессиональная интеграция инвалидов — одна из самых сложных проблем нашего общества. Рабочие коллективы просто не готовы к приему таких сотрудников. Даже в самом Центре, который специализируется на работе с детьми-инвалидами, каждая подобная кандидатура очень долго обсуждается и решение о приеме на работу всякий раз принимается с большим трудом.)

Основная работа по интеграции проводится в детских летних реабилитационных лагерях (два месяца, три-четыре смены). Отдыхают совместно дети-инвалиды, их здоровые братья и сестры и дети сотрудников. Еще один очень интересный аспект интеграции — это интеграция семей инвалидов: скажем, семья ребенка-инвалида с синдромом Дауна общается с семьей ребенка-инвалида с ДЦП.

С «Ковчегом» мы не просто занимаемся одним и тем же делом, закончил свой рассказ Кирилл, — многие ученики «Ковчеха» являются нашими пациентами.

Кирилл — выпускник школы «Ковчег»

Дискуссия на семинаре 7 ноября 2000 года

По отношению к слабым и беззащитным можно судить о том, как люди и общество в целом относятся к самим себе. Преследуя евреев, цыган или гомосексуалистов, нацисты опирались на многовековые предрассудки, которые в той или иной степени могли разделять многие; когда же речь заходила об уничтожении физически или психически неполноценных людей, попирались самые элементарные человеческие понятия о сострадании и помощи. Стоило ли «здоровье нации» того, чтобы ради его поддержания избавляться от людей, не укладывающихся в медицинское или психиатрическое понятие о норме?

После доклада Дмитрия Гомона об уничтожении душевнобольных на Украине участники семинара обсуждали, как относились к душевнобольным в самой Германии и в захваченных ею государствах. Если в Германии уже с середины 1930-х годов благодаря позиции церкви прямое уничтожение больных прекратилось, то в других странах от проведения в жизнь принципов расовой чистоты нацистов могли удерживать только организационно-экономические затруднения. В материалах советской Комиссии по расследованию преступлений гитлеровцев на оккупированных территориях приводятся факты уничтожения душевнобольных; многие из этих фактов были представлены в том числе и в обвинительном заключении на Нюрнбергском международном трибунале. В этих нечеловеческих условиях люди, в первую очередь врачи, вели себя по-разному. Находились и те, кто выдавал немцам списки больных-евреев (может быть, рассчитывая, что дело обойдется лишь их эвакуацией). Очень многие пытались спасти своих пациентов, выписывая их домой накануне наступления фашистских войск, как это было в Подмосковье осенью 1941 года. Некоторые врачи гибли вместе с больными. Под Петербургом, у поселка Никольское, на месте расстрелов им поставлен памятник (под Киевом такого памятника до сих пор нет). Между прочим, среди жертв сталинских репрессий 1937–38 годов, которые похоронены на Левашовской пустоши под Питером, есть и активисты кружков слепоглухонемых, обвиненные в налаживании шпионских связей с Западом. Конечно, здесь главную роль сыграли политические мотивы, а не соображения расовой чистоты, но сходная бесчеловечность и абсурдная жестокость двух тоталитарных диктатур в этих случаях говорит сама за себя.

Проблема совместной жизни «нормальных» людей и людей с психическими или физическими недостатками далека от полного разрешения и в сегодняшнем обществе. Весьма интересным был рассказ о существующей в Москве уже почти десять лет школе «Ковчег», у истоков которой стояли люди, близкие к А. Д. Сахарову и Александру Меню. Там при одинаковом отношении обучаются ребята, так или иначе пострадавшие от стандартного школьного обучения, дети-инвалиды (в том числе с синдромом Дауна) и самые обычные школьники. Устав «Ковчеха» может быть рекомендован как образцовый документ по организации школы, построенной вопреки советской школьной модели тоталитарных времен.

На семинаре мы посмотрели фильм об одном из самодеятельных праздников в этой школе, поговорили с ее бывшими учениками, ставшими психологами и учителями. Главное в такого рода проектах — налаживание коммуникации между «необычными» и нормальными детьми, между локальным и большим миром. И здесь совсем недостаточно благих пожеланий и разговоров о социализации, коррекции и интеграции. Проблема не только в том, что едва ли кто из педагогов хорошей или обычной районной школы мог бы отправиться со своими детьми в близлежащую вспомогательную, но и в том, что учителя из вспомогательной школы не стремятся выходить из своей «тепличной» атмосферы. Почти все органи-

зации, возникшие вокруг какой-то одной проблемы (например, ассоциации родителей детей-инвалидов), замкнуты на себя и очень бояться любой «интервенции» из внешнего мира. Между тем главное средство психологической коррекции для детей-инвалидов в большинстве случаев — это коллектив обычных ровесников. Разумеется, здесь возникают новые проблемы: как таких детей будут принимать, не останутся ли они по-прежнему за стеклянной стеной. И здесь дело взрослых — учителей, психологов — решать эти вопросы, налаживать мосты для взаимопонимания.

Еще одним интересным опытом такого рода контактов являются летние лагеря. Во время дискуссии речь зашла о трех из них. В первом случае это был лагерь «Бригантина» в Зеленогорске, где вместе с воспитанниками интерната № 69 отдыхали обычные питерские ребята. Общение там налаживалось очень сложно, конфликты решать пришлось даже с помощью профессионального психолога.

О другом, французском варианте подробно рассказала одна из участниц дискуссии. В одном из кемпингов в Бретани летом попытались поселить рядом уже взрослых людей — обитателей специнтерната и отдыхающих-добровольцев. Вначале администрация кемпинга была категорически против и требовала поставить чуть ли не забор с КПП и охраной, говоря об опасности для обитателей соседних лагерей, расположенных за десять километров оттуда! Постепенно эти трудности удалось преодолеть. Этот летний лагерь во Франции далеко не единственный, можно даже сказать, что проведение летнего отдыха в подобных заведениях становится своего рода модой. Правда, даже на уровне закона подтвердить существование таких лагерей пока еще не получается. Главный вывод, который сделала сама участница «эксперимента», — не надо *подтесывать* себя под больного, гораздо правильнее делать все как обычно, учитывая то, что бок о бок с тобой живут иные люди — не худшие, не неполноценные, а другие. Собственно, то же самое подразумевает жизнь рядом с людьми других взглядов и культур в пределах одного дома, страны или земного шара.

Специальные коррекционные программы для «трудных» или «нестандартных» детей давно существуют в Западной Европе. Одна из участниц семинара рассказала о своем отпуске в Германии, где рядом с пятнадцатью нашими школьниками и десятью вьетнамцами жили берлинские беспризорники (программа «Kinderstrasse»). Ребята, для многих из которых само существование других языков, кроме родного, было в новинку, быстро перезнакомились и сдружились друг с другом, сейчас они переписываются по электронной почте. В общем, и этот опыт можно признать удачным, недаром на следующее лето организаторы собираются его повторить.

Отдельно во время общей дискуссии обсуждалась проблема психологической реабилитации бывших участников фашистских и националистических движений (подобные организации есть в Москве). Как это нередко бывает, желание избавить мир во имя здоровья и чистоты от «недочеловеков» оказывается формой проявления собственных серьезнейших комплексов и патологий — индивидуальных или коллективных. Опыт терпимости, человечности и понимания сейчас насущно важен и необходим — так же, как и во времена систематического разжигания худших чувств в человеке, культивирования темных сторон человеческой природы. Когда эти времена окончательно станут прошлым, подобные семинары станут сугубо историческими, пока же разговор о событиях полувековой давности постоянно затрагивает проблемы сегодняшнего дня.

Националисты примеряют новые маски

Кризис или новая тактика?

В сентябре произошло несколько знаменательных событий, связанных с РНЕ. 17 сентября 2000 года пятнадцать баркашовцев, вооруженных цепями, вломилась в еврейскую школу в Рязани. Выкрикивая: «Слава России!» — и антисемитские лозунги, они принялись громить школьную мебель и оконные стекла. Пять учителей и двадцать пять учеников в возрасте от шести до тринадцати лет оказались свидетелями и жертвами этого вторжения. Налет был остановлен приехавшей по вызову директора школы милицией, однако никто из баркашовцев не был арестован и эти же самые погромы они промаршировали затем по центру города. Некоторые из детей были настолько потрясены случившимся, что для вывода их из шокового состояния потребовалась помощь психиатра. Местная рязанская пресса оставила событие без комментариев.

Через четыре дня после этого, 21 сентября, шестнадцать руководителей региональных отделений РНЕ собрались в Подмоскowie на закрытый пленум и решили исключить лидера РНЕ Александра Баркашова из рядов этой организации, обвинив его в «моральном и физическом разложении» и в том, что он довел организацию до кризиса. Свидетельствами

разложения лидера стали его слишком уж деспотические замашки: партийный съезд не собирался уже три года, «центральный совет организации больше не существует ни де-юре, ни де-факто», а официальный орган движения — газета «Русский порядок» — не выходит более двух лет. Как сообщил «Интерфаксу» заместитель председателя РНЕ Олег Кассин, на сегодняшний день от Баркашова ушло 26 региональных отделений. Всего же их до этого насчитывалось 55.

23 сентября О. Кассин, А. Дудинов и Ю. Васин были провозглашены лидерами нового национал-патриотического движения «Русское Возрождение», которое должно стать идейным наследником РНЕ. «Духовной основой» движения его организаторы считают традиции русской православной церкви. Как сообщило РИА «Новости», на учредительный съезд собралось 200 делегатов из 48 регионов.

Олег Кассин, 1965 года рождения, — директор военно-патриотического клуба «Варяги» в Кирове, 39-летний Юрий Васин возглавляет спортивный клуб «Витязи» в г. Железнодорожном Московской области; оба имеют среднее образование, баллотировались в депутаты от объединения «Спас» в декабре 1999 года. Андрей Дудинов — руководитель Ставропольского отделения РНЕ.

Новые лидеры сами дали информацию в прессу и пригласили журналистов на учредительный съезд. Наблюдателей удивил не столько сам внутренний конфликт в РНЕ, сколько его вынесение в публичное пространство. Сугубо закрытая организация, реальная жизнь которой всегда была засекречена, а лицом и именем на протяжении десятилетия оставался единственный и бессменный лидер, внезапно вынесла сор из своей тайной избы. Свидетельствуют ли сентябрьские события об агонии РНЕ, или же это новая тактика русских национал-радикалов, которые потерпели фиаско на последних парламентских выборах?

РНЕ в «Новой системе»

С 1998 года в Петербурге выходит газета «Новая система», заменившая собой «Приморские новости». Газета была уч-

реждена семьей Мищенковых. Тамара Мищенкова — главный редактор и основной автор статей. Лозунг газеты: «Русские всех стран! Объединяйтесь!» С самого начала издание имело сильную антисемитскую направленность.

Тематика «Новой системы» включает как статьи условно «политического» содержания, в которых проклинаются демократы, Ельцин (раньше), Путин (нынче), всевозможные СМИ, Лужков, Зюганов, Америка и Западная Европа, так и статьи по «медицине», где описываются исцеляющие от всех недугов средства, и по «психологии», особенно «социальной» и особенно о зомбировании «несознательных» граждан (не русофилов) через СМИ. Затрагиваются такие вопросы, как, например, почему мужчины не хотят жениться, и т. п. Есть любопытный материал о явлении телегонии, или «первого самца». Доктор медицинских наук, член АМН В. Барабаш объясняет читателям, каким образом у белых родителей может родиться чернокожий младенец. В статье осуждаются межэтнические и межнациональные браки, которые, по мнению автора, «темные силы» используют для того, чтобы «подточить внутринациональные и внутрисемейные связи». Словосочетания

Члены РНЕ

«темные силы», «окультурные силы», «энергетический уровень», «чистая карма» типичны для «Новой системы».

Именно к людям с «чистой кармой» относит баркашовцев Т. Мищенкова. Впервые «Новая система» заговорила об РНЕ в № 10 (август 1999 года). Написанная Т. Мищенковой статья «Как живет баркашовцам, или Когда русские националисты спасут Россию?» занимает полторы полосы. В восторженных выражениях пишет Т. Мищенкова о баркашовцах: это-де люди «общественного кроя личности», обладающие «правополушарной структурой мышления» (в отличие от левополушарных демагогов-демократов), поднявшиеся «путем интеллектуально-духовного развития» и «тонкой работы над волевыми структурами» на «высокий энергетический уровень», готовые к «спасению и возрождению России».

Статью Мищенковой продолжает не менее «увлекательный» материал уже известного нам академика Барабаша, задающего несправедливый вопрос: «Посадил бы Зюганов Баркашова в тюрьму?» Ответ однозначен: посадил бы. А вот почему — объясняется в следующем № 11 в статье Мищенковой «Почему нужен А. Баркашов, а не Г. Зюганов на посту президента, или Правда ли, что ЦРУ делает ставку на Г. Зюганова на ожидаемых президентских выборах?» (октябрь 1999 года). Уже из заголовка понятно, за что «Новая система» не любит старика Зюганова: за его «сионистские» игры с ЦРУ, «штаб-квартирой мирового сионизма». В статье утверждается, что 15-20% избирателей готовы поддержать Баркашова, а вероятно, и все 40%.

В этом же номере впервые зазвучал голос самих баркашовцев. Заместитель руководителя Санкт-Петербургского отделения РНЕ Константин Павлович Хуторенко объясняет избирателям, «запуганным» чрезмерно экстремистским образом русских фашистов из РНЕ, «зачем баркашовцы вскидывают руку в приветствии». Оказывается, тем самым они демонстрируют свою исключительную связь с «Божественным», выступая как бы «Воинством Духа». Не могу судить, улавливают ли баркашовцы свою историческую связь с такими организациями прошлого, как опричники или «Черная сотня»; сами они чаще всего апеллируют к славянским древностям (вскину-

тая в приветствии рука — обращение к солнцу) или к буддийским символам (свастика, связь с Универсумом и т. п.).

Нетривиальная в историческом плане мысль высказывается в статье руководителя Санкт-Петербургского отделения РНЕ Михаила Лалочкина «Знает ли Лужков, что в центре главного убора Божией Матери — свастика?»: «Крест с загнутыми вле-

во и вправо концами (свастика) был главным орнаментальным символом русских задолго до Гитлера: за 3000 лет до его нашествия на мир» (№ 12). Замечательно, конечно, что баркашовцы недолюбливают Гитлера, к стати так же как и большевиков, которых называют «сионистствующими». Однако какие такие «археологические раскопки», на которые ссылается автор статьи, позволяют определить 3000-летний возраст русских (даже не славян!) — большой вопрос. М. Лалочкин не имеет специального исторического, да и вообще высшего, образования, поэтому-то, наверное, и ошибся на пару тысячелетий.

В символике РНЕ, а также в основе его идеологической концепции — религиозная мешанина. Так, баркашовцы утверждают, что основываются на древнеславянских (языческих) обычаях, так сказать, сохраняют «генетическую память». Вместе с тем они проявляют страстную любовь к православию и нередко работают на добровольных началах (проверить мы не можем) на восстановлении храмов. Здесь уместно вспомнить, что Баркашов создал свою организацию в 1990 году из осколков сильно православной «Памяти» Дмитрия Васильева, в которой состоял с 1985 года. С другой стороны, объяснение многих явлений «борьбой темных и светлых сил», «защитой Вселенной», «положительной энергией», астрологическими предзнаменованиями также характерно для членов РНЕ, что, по-видимому, связано с увлечением подобными вещами их лидера А. Баркашова. «Тайна А. Баркашова, — размышляет в № 13 Т. Мищенко после встречи с лидером РНЕ, — состоит в том, что, встав на защиту русской нации от истребления, А. Баркашов и организованные им кадры получили незримую поддержку свыше. Он строит национальный эгрегор, или духовный фундамент нации».

Когда люди обращаются к таким материям, как неведомый «эгрегор», и фанатично убеждены в своей сверхмиссии по спасению ни больше ни меньше человечества, с ними обычно занимаются врачи-психиатры. У баркашовцев есть еще другой небезынтересный с точки зрения медицины синдром — мания преследования. Преследуют их, понятное дело, евреи, которые в лице ельциных, путинных, зюгановых, лужковых и пр. не дают прохода «освободителям Земли Русской». «45 миллионов граждан не могли голосовать за баркашовцев по воле одного раввина», утверждает в статье с таким заголовком М. Лалочкин. Он горько сетует на то,

«как перед русскими националистами из РНЕ захлопнули дверь в Госдуму» (№ 13). Не могут члены РНЕ простить Лужкову вето, наложенное на их московское отделение, а может быть, М. Лалочкин лично обижен за то, что не удалось участвовать в выборах. Он ведь был выдвинут одним из кандидатов от «Спаса», который так позорно проиграл еще и не начавшуюся кампанию, пойманный на мухлеже с подписями избирателей. У баркашовцев вообще своя математика (так же как и история). Лалочкин предупреждает: «45 миллионов граждан, которым не позволили отдать

голоса за националистов, могут неожиданно быстро удвоиться до 80 миллионов... Речь о 20 процентах бюллетеней, которыми избиратели проголосовали против всех предложенных им кандидатов в Госдуму». Хочется отметить, что «удвоение» 45 ну никак не даст 80, хотя надо отдать должное скромности Лалочкина, который скостил 10 миллионов сторонников РНЕ. Однако откуда же такая уверенность в будущих предпочтениях 20% избирателей, голосовавших против всех?

Хочется продолжить «математическую» тему. Из номера в номер «Новая система» повторяет: численность РНЕ растет не по дням, а по часам, народ толпами валит в его ряды, все «герои на подбор с высоким интеллектуальным уровнем и отличными физическими данными». На сегодня численность РНЕ, по данным самих баркашовцев, достигает 300 тысяч человек. С пафосом утверждается, что «режим напуган размахом работы националистов, а главное — притоком молодежи в их ряды» (№ 10). Принимая во внимание необыкновенные математические способности баркашовцев, усомнимся в реальности приводимых ими цифр.

Сами баркашовцы хоть и напускают страху: мы, дескать, сила, за нами — космос, — а милиции, по-видимому, побаиваются, потому и огрызаются в столь странном издании.

Несомненная заслуга «Новой системы» в том, что газетный материал пестрит именами баркашовцев с указаниями постов, занимаемых ими в организации, основных мест работы и регионов проживания. Так, Михаил Лалочкин прибыл в Петербург из Воронежа. Его брат Евгений Лалочкин возглавляет воронежскую группу РНЕ. На страницах газеты пофамильно называется еще пять человек из Воронежа. В рядах петербургского РНЕ, например, состоит адвокат В. Степанов, который выступал защитником на нескольких судах, возбужденных против баркашовцев. Доказательством того, что эти имена реальны, служит сличение их со списком кандидатов «Спаса» на выборах 1999 года.

В газете печатаются также и фотографии с подписями, кто есть кто. Даже на основании данных «Новой системы» можно грубо очертить социальную базу РНЕ. В основном баркашовцы — люди со средним образованием, как и их лидер. Некоторые работают в органах правопорядка, например в ОМОНе, или в коммерческих структурах, связанных с продажей оружия или подготовкой кадров охранников. В РНЕ много бывших военных, принимавших участие в боевых действиях в горячих точках, в том числе в Афганистане и Чечне.

Анализ представленного «Новой системой» материала убеждает в политической несостоятельности РНЕ, которое не умеет вести настоящую политическую борьбу. Недавний проигрыш предвыборной кампании для них не первый. На выборах в 1994—1995 годах А. Баркашов тоже с треском провалился.

Между тем симптоматично, что после запрета «Русского порядка», который был собственным изданием РНЕ, баркашовцы находят другие пути для пропаганды своих идей. № 13 «Новой системы» вышел уже под девизом РНЕ «Слава России!», что, по всей видимости, символизирует переход газеты в «партийное» ведомство баркашовцев.

Тем самым доказывается, что никакими государственными запретами не помешаешь распространению националистических идей. Сегодня национал-патриотические группы и организации в России не очень-то замысловаты по своей структуре и не слишком озабочены вопросами конспирации. В будущем же они могут оказаться гораздо более изощренными в своих методах. И не в последнюю очередь по вине государства.

Черная сотня

Они несут хоругви и венки,
Но в полушубках прячут револьверы.
Они — подонки, мразь и лицемеры.
На содержании «охранки» их — полки...

Лабазники, чей промысел — доход,
В карманах прячут гири и кастеты.
Откормлены, обуты и одеты.
И вонюю душ смердит их крестный ход.

30 мая 2000 г.

Д.

Пикет 9 ноября

Уже пятый год питерские антифашисты проводят в ноябре на Невском проспекте пикет с целью привлечения внимания общественности к проблемам прошлого и настоящего.

В ночь на 9 ноября 1938 года в Германии произошел еврейский погром, получивший название Хрустальной ночи. Эту дату принято считать началом открытого нацистского террора. Мы считаем, что память о прошлом необходима для понимания вопросов, которые ставит наша эпоха. Сегодня, как и полвека назад, невинные люди по-прежнему становятся жертвами политического насилия. Страшно, когда это насилие исходит от террористических группировок. Еще страшнее, когда террор против собственных граждан развязывает государство.

В нынешнем году свой протест против политического террора мы выразили в форме театрализованной акции на углу Невского проспекта и Малой Конюшенной улицы. Идея состояла в том, что облик «борца с террором», вооруженного до зубов, практически неотличим от образа опасного злодея-террориста. Лозунгом пикета послужила фраза из листовки: «Антитеррор становится зеркальным отражением террора». Выразительной иллюстрацией лозунга были две гигантские фигуры, установленные на месте проведения пикета. Стоящие рядом, они были почти идентичны: универсальная камуфляжная форма, боевые автоматы наперевес, безликость голов, скрытых под черными масками-баллаклавами. Единственным существенным различием были метки на груди: «Террор» — на одной и «Антитеррор» — на другой фигуре. Экипировка «Антитеррора» дополнялась рамой и зеркалом, в которое была заключена вся фигура.

В общий антураж пикета всегда входят символические нагрудные знаки, которые сразу позволяют выделить пикетчиков из толпы. На этот раз таким знаком стала своеобразная имитация черепа и костей: в роли черепа была черная балаклава, а перекрещивающиеся автоматы заменяли собою кости.

Несмотря на промозглую погоду, на этого двуликого Януса насилия многие прохожие обращали внимание, особенно молодежь студенческого возраста и дети — те, для кого эта акция в основном и проводилась. Некоторый ажиотаж вокруг распространителей листовок создала группа позитивно настроенных юных российских казаков в полном обмундировании. Листовки разошлись достаточно быстро, и откровенной агрессии мы не встретили, несмотря на некоторую провокационность стихов вороньца Дмитрия Воробьевского, включенных в текст листовки:

Мы тонем. Виной — не чума, не война, И даже не русское пьянство. Россия безмерно, безумно больна. Россия больна государством.

Казалось порою, что хоть на чуть-чуть Поменьше этой заразы, Но снова вернулась к нам вся эта жуть, Врачи говорят: метастазы.

Убийцы, бандиты и прочая шваль Державой себя называют. И грабят, и «мочат», и светлую даль Попутно нам все обещают.

Надо отметить, что раньше мы наблюдали большую активность людей в ходе подобных мероприятий. Видимо, пикет

ты и акции протеста постепенно становятся традиционным элементом общественной жизни большого города, и снижение внимания к ним можно воспринимать как следствие этой тенденции. Однако, хотя заинтересовали мы лишь небольшой процент прохожих, в этом году пикет на Невском освещали средства массовой информации. Теле- и радиорепортажи, адекватно отражающие происходящее, дают порой больше, чем многочасовое стояние на улице. О целях пикета нам пришлось беседовать не только с журналистами. Как это бывало и раньше, нами заинтересовались милиция и человек в штатском (в неизбежной кожаной куртке). Он с профессиональным интеллигентным видом спросил, расцениваем ли мы антитеррористические действия нашего государства как фашизм...

Остается добавить, что, чем труднее становится работать на улице, тем больше наша благодарность к тем, кто приходит поддержать наши акции. 9 ноября с нами вместе выражали свой протест страшные женщины из организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» и наши коллеги из общества «Мемориал». Среди участников пикета были и активисты молодежных движений: анархисты, панки, скинхеды-антифашисты.

Алевтина

Фестиваль «Священный огонь» («Heilige Feuer»)

9 декабря 2000 года, клуб «Спартак»

Пресс-конференция

Одними из первых вопросов, заданных группе «Deutsch Nepal», были следующие: «Влияет ли политика на ваше творчество?» и «Стоит ли какая-нибудь идея за вашей музыкой?». «DN» отказались отвечать на подобные вопросы. Вопросы музыкантам задавали в основном не журналисты, а участники российских групп («Reutoff» и др.), которые по большей части интересовались собственно музыкальной стороной дела (лейблы, релизы, сотрудничество с другими артистами, индустриальная сцена и т. д.).

У вокалиста «Der Blutharsch» спросили: «Сталкивались ли вы в Европе с проявлениями цензуры, такими как запрещение концертов, и что вы об этом думаете?» Он ответил примерно следующее: «Я не сталкивался, но знаю, что такие случаи есть, особенно в Германии. Мне кажется, что страна, которая запрещает высказывать крайние мнения (extreme opinions), — это бедная страна (poor country). А в Германии это происходит потому, что там люди не мо-

гут смириться со своей историей». Далее, на вопрос об одном музыкальном сборнике он же ответил, что этот сборник застрял на таможне и, чтобы его выкупить, нужно много заплатить, а он не хочет отдавать лишние деньги государству. После этого кто-то спросил: «Вы либеральны?», и он ответил: «Да, я довольно либерален», объяснив, что терпимо относится к мнениям как правых, так и левых и что у тех и у других можно найти что-то хорошее.

Концерт

Первая из игравших групп, «Sonnensalz» из Ростова, посвятила свое выступление «нашим товарищам, томлящимся в латвийских застенках». Очевидно, имелись в виду члены НБП, арестованные в Риге.

«Der Blutharsch». Два вокалиста, мужчина и женщина, оба в черной униформе, с нашивками с черным крестом в белом круге на рукаве. Первую песню спели в темноте, держа в руках факелы, которые потом отдали в зал публике. Рефрен этой песни — «God punish England» («Боже, покарай Ан-

глию»). На протяжении всего выступления эти двое практически неподвижно стояли у микрофонов. Большинство песен были на английском, несколько на немецком. В одной из песен многократно повторялось слово «Vaterland» («отечество»). Напрасливается сравнение с группой «Laibach». Реакция публики на их выступление была неоднозначной: на сцену два или три раза пытались кидать пластиковые бутылки, кто-то кричал: «Ausländer raus!» («Иностранцы, вон!»). Возможно, это были члены НБП.

«Genocide Organ». Вокалисты (двое) вышли на сцену в черных масках, сквозь которые видны были только глаза, и так исполнили несколько песен (на каком языке — непонятно). Выступление сопровождалось кинопроекцией, в которой время от времени мелькали кадры военных действий — от черно-белых хроник начала века до операций сил ООН. Апогеем выступления стала пос-

ледняя песня, в которой второй (не бритый) вокалист кричал: «White power!» («Белая власть!»). Я не на все 100% уверен в этом, но так показалось не только мне, но и некоторым другим посетителям концерта.

Всего на концерте присутствовало от 200 до 250 человек. Концерт проходил в клубе «Спартак», где 18 марта 2000 года играли московские наци-металлисты «Коррозия Металла» и наци-скинхеды «Коловрат».

Женя

Сайт ассоциации «Другая культура», участвовавшей в организации фестиваля: <http://otherculture.chat.ru>.

А также см.: <http://music.ru/article/lentanews/2000/12/11/624.html>
www.gothic.ru.

Дело государственной важности

27 июля 2000 года на одной из станций городской железной дороги в Дюссельдорфе взорвалась спрятанная в полиэтиленовом пакете бомба, начиненная тринитротолуолом граната времен Второй мировой. При взрыве были ранены десять человек, двое из них, молодая пара, — тяжело. Женщина потеряла своего нерожденного ребенка. Возмущение терактом приобрело новое качество на следующий день, когда выяснилось, что все без исключения пострадавшие были учащимися курсов немецкого языка для иностранцев, иммигрантами из бывшего СССР. Большинство из них принадлежат к еврейской общине.

Взрыв больше не представлялся выражением направленной на всех и ни на кого конкретно ненависти, жертвами которой стали случайные прохожие. Прокурор заявил: «Мы разрабатываем прежде всего и целенаправленно версию преступления по антисемитским и правозэкстремистским мотивам». По Германии прокатилась волна возмущения, в Дюссельдорфе прошла массовая демонстрация протеста, на место взрыва люди несли цветы и свечи.

Сейчас правозэкстремистский характер теракта ни у кого не вызывает сомнения. Однако прямых доказательств до сих пор нет. Единственными объективными основаниями этого является принадлежность жертв к числу иммигрантов и евреев, а также экспертные оценки характера теракта как, вероятно, правозэкстремистского (в частности, он схож со взрывом в Мюнхене в 1980 году). Как нам представляется, это предположение возможно было принять без доказательств, потому что на фоне общей ситуации в Германии это действительно могло быть правдой. Это могло быть правдой ввиду внешних обстоятельств — и это же открыло глаза на эти внешние обстоятельства. Германия опять стала страной, в которой возможен кровавый нацистский террор.

Так или иначе, опасность правого экстремизма и расистское насилие стали темой дня. Политики разных партий, полицейские чины, журналисты и знаменитости принялись призывать к борьбе с фашизмом, основывать инициативы против правого экстремизма, предлагать меры и программы, повсюду стали раздаваться призывы проявлять гражданское мужество и «не отводить глаза». Так в августе внезапно началось «антифашистское лето».

Внезапно поскольку скачкообразно возросшее внимание прессы и общественности создавало впечатление, что правое насилие усугубилось именно в этот момент. Но для

знакомых с положением дел неожиданным оказалось прежде всего то, что «открытие» было сделано именно сейчас, — объективно уровень расистского и нацистского насилия остался прежним. Он просто стал темой дискуссий, фактом общественного сознания — в том числе благодаря масс-медиа.

Не последнюю роль в этом сыграло и изменение позиции государственных органов. Служба защиты Конституции (VS, аналог ФСБ), признанный эксперт в вопросах экстремизма, в своих ежегодных публичных отчетах занижала масштабы правого экстремизма и подчеркивала «зловредность» левых радикалов. Но в течение последних лет, под давлением обстоятельств, эта оценка медленно менялась. И вот, за три месяца до взрыва в Дюссельдорфе, произошел случай, способствовавший признанию опасности правых.

В день рождения Гитлера в синагогу в Эрфурте (Восточная Германия) была брошена бутылка с зажигательной смесью. Хотя огонь сразу же был потушен жителями соседних домов и никто не пострадал, символическое значение этого акта трудно переоценить. Полиция, сославшись на анализ текста заявления, оставленного на месте преступления, высказала версию инсценировки правого теракта леворадикальной группой. Однако вскоре был задержан правый экстремист, отпечатки пальцев которого нашли на том самом заявлении. Выглядело это так, будто полиция едва ли не сознательно закрывает глаза на правый терроризм. После события в Дюссельдорфе государственный репрессивный аппарат наконец был вынужден признать реальную опасность правого терроризма и насилия.

Как нам представляется, своим масштабом дискуссия о правой угрозе обязана эффекту мультипликатора, когда конечный результат превосходит воздействие отдельных частей. Обсуждения стали еще интенсивнее, когда 3 октября в Дюссельдорфе были брошены коктейли Молотова еще в одну синагогу. Так или иначе, взрыв в Дюссельдорфе «открыл глаза» политикам и общественности, и эту реакцию нельзя не приветствовать. Или все-таки можно? Содержание дискуссии заставляет насторожиться: в какую сторону смотрят эти широко открытые глаза?

Во-первых, вызывает критику характер некоторых предлагаемых политиками мер. С одной стороны, они призывают противопоставить правому экстремизму институты гражданско-

Берлин, 25 ноября 2000г. Во время демонстрации против НДП.

го общества, а повседневному расистскому террору — гражданское мужество. Ключевое понятие этого направления, предложенное бундесканцлером Г. Шредером, — «восстание приличных людей». «Восстание приличных» не просто странно звучит и отличается некоторой концептуальной неопределенностью (гражданское общество не так уж просто создать сверху), но и пока лишь ограниченно поддается реализации. Например, во многих городах проводятся кампании в духе «помогите, не подвергая себя опасности», объясняющие, что могут сделать пассажиры общественного транспорта, а именно, позвать на помощь водителя и полицию. Требование не отводить глаза в сторону подразумевает, что большинство населения Германии — приличные люди, которые «всего лишь» равнодушны, а расизм является маргинальным явлением. Массовые демонстрации под лозунгом «Против правого насилия и ненависти» призваны выразить отвращение большинства населения к расизму. Когда на улицы, как в Берлине 9 ноября, выходят двести тысяч человек, это лишает неонацистов того аргумента, что они выражают волю народа. Но достаточно ли демонстраций, ведь они все-таки остаются исключительными событиями?

Другое направление государственной политики в отношении правого экстремизма куда более проблематично и при этом проводится куда более последовательно. Речь идет о борьбе с правозэкстремистскими организациями. В сентябре было запрещено немецкое отделение «Blood & Honour» («Кровь и честь»), международной сети наци-скинов. Этот запрет сам по себе вряд ли эффективен — V&H функционирует не на уровне формальной организации, — он сводится де-факто к запрету марки. Тактика запрета в целом также вызывает вопросы. Является ли формальное прекращение существования организаций оправданным средством борьбы с ультраправыми? Возможно, но только пока оно не становится главным противоядием.

Однако именно в этом направлении развиваются события. 1 августа министр внутренних дел Баварии У. Бекштейн (Христианско-социальный союз, ХСС) впервые высказал требование запретить Национально-демократическую партию Германии (НДП). Эта идея вызвала бурные дискуссии, и поначалу большинство политиков Христианско-демократического союза (ХДС) и правящей коалиции (социал-демократы и зеленые) отвергали ее как бессмысленную, нереальную или политически неверную. Но постепенно позиция Социал-демократической партии (СДП) менялась, и через месяц не только министр внутренних дел Шили, но и Шредер все радикальнее стал высказываться за запрет НДП. Параллельно был начат многоступенчатый процесс подготовки запрета, вершиной которого станет слушание в Конституционном суде. Мотив: НДП отвергает государство и демократию и «агрессивно-атакующе» относится к конституционному порядку.

Запрет НДП как политический шаг не просто рискован (если суд будет против, НДП получит «охранную грамоту» от любых обвинений). Главная опасность состоит в том, что таким образом правый экстремизм и расизм оказываются соотношены с конкретными политическими субъектами. Это создает иллюзию возможности легкого выхода из сложившейся ситуации, в то время как это выход не из проблемы, а из дискуссии о ней: с запретом НДП вопрос будет исчерпан, остальные могут говорить что угодно.

И действительно, в последнее время тема запрета стала доминировать в дискуссии о «правой угрозе», а тирады против расизма в широких кругах общества звучат все реже.

При этом репрессивному аппарату государства отводится все большая роль в борьбе с правым экстремизмом. «Государственный антифашизм» проявляет пугающие черты «полицейского антифашизма»: например, министры внутренних дел в связи с демонстрацией НДП, прошедшей 25 ноября, обсуждали возможность дальнейшего ограничения свободы собраний.

Не только предлагаемые меры, но и аргументы СДП против расизма и правого экстремизма отчасти спорны, поскольку они — и чем дальше, тем более явно — выражают прежде всего заботу о Германии и представляют ее главной жертвой неонацистов.

Необходимо отметить, что впервые в истории ФРГ правящая коалиция столь единодушно и радикально осудила правый экстремизм и расизм. Неонацисты заняли место главных врагов немецкой демократии, вытеснив с этих позиций левых радикалов. Одно из обоснований этого: они портят международный имидж Германии, представляя ее страной нацистов, пребывание в которой опасно (некоторые путеводители уже содержат рекомендации избегать определенных мест и Восточной Германии в целом).

Время бороться с правым экстремизмом наконец наступило и потому, что насилие со стороны нацистов вышло из-под контроля государства, наиболее яркое проявление чего — формирующиеся «внеправовые зоны» в Восточной Германии. В конце ноября вещи были названы своими именами: нацисты угрожают государственной монополии на насилие, то есть государству. Здесь становится очевидным, что дискуссия все больше концентрируется на актах насилия, а другие формы расизма выходят из фокуса (вспомним концепцию «восстания приличных»).

С дебатами об ультраправых непосредственно связана дискуссия об иммиграции, в очередной раз разгоревшаяся весной этого года. Сначала представители промышленности, а затем и политики правящей коалиции высказались о необходимости иммиграции, обусловленной как недостатком квали-

«Всякое нападение на синагогу — расистское»

фицированной рабочей силы в отдельных сферах экономики, так и общей демографической ситуацией. Иммиграцию надо поддерживать — настолько и в такой форме, насколько это полезно для немецкой экономики. В обсуждении экономического положения страны на сцену выходит «полезный иностранец», и его-то и надо впускать и защищать.

Все эти аргументы сами по себе были бы не столь сомнительны, если бы они не были единственными. Сегодня же об иммигрантах, цветных, «чужих» говорится не как о непосредственных жертвах расизма и национализма, — нет, их необходимо защищать исходя из соображений пользы для Германии. Речь идет, таким образом, не об абстрактных и всеобщих правах, а о национальных интересах (заметим, что здесь происходит трансформация понятия нации от традиционного для Германии этнического к государственному основанию).

Логическую оппозицию «полезным иммигрантам» должны были бы представлять «иммигранты вредные». Увы, эта оппозиция является реальностью большой политики. Еще в конце 80-х годов началась дискуссия об ограничении права на убежище, поскольку иммигранты якобы являются балластом для немецкой экономики и общества. Прозвучал циничный слоган: «Мест в шлюпке нет». В процессе объединения Германии произошел националисти-

«Восстание приличных людей»... Берлин, 9 ноября 2000 г.

ческий подъем, дискуссии об ограничении права на политическое убежище вышли на новый уровень, и после погромов в Хоерсверде и Ростоке парламент квалифицированным большинством изменил Конституцию — право на политическое убежище фактически отменено. Социал-демократы голосуют «за».

И сейчас те самые политики, которые призывают к запрету НДП и к ужесточению мер по борьбе с правыми экстремистами, продолжают воспроизводить расистские дискурсы о «злоупотреблении правом на убежище» и криминальных иммигрантах. Вот, например, слова бундесканцлера Шредера: «Но того, кто злоупотребляет нашим гостеприимством, следует выкинуть, и побыстрее». Шили открыто высказывается в пользу снижения иммиграции в целом до нулевого уровня, добавляя, что лишь 3% подающих заявления достойны убежища. И реальная политика красно-зеленой коалиции в отношении иммигрантов и беженцев тоже носит дискриминационный характер. Автор идеи запрета НДП Бекштейн также известен чрезвычайно жесткой политикой по отношению к беженцам.

На этом месте стоит не только задать риторический вопрос: «А судьи кто?», но и задуматься о результатах подобных тенденций. Государственные деятели не просто воспроизводят расистскую идеологию, но и проводят политику, с экстремистскими выражениями которой сами же борются. Сейчас еще рано подводить итоги, однако можно предложить следующую трактовку происходящего: отсекая экстремистских субъектов от политического процесса, государство и этаблированная политика одновременно (и отчасти за счет этого) нормализуют их идеологию и делают ее содержанием этого процесса. «Государственный антифашизм» в современной Германии направлен прежде всего против наиболее

явных проявлений фашизма и расизма — актов насилия. Решать проблему предлагается исключительно полицейскими методами. Анализ же аргументации показывает, что речь идет не о защите иммигрантов, а о пользе Германии. Антифашистский характер такой позиции представляется более чем спорным.

В заключение необходимо представить еще одну дискуссию, начатую политиком ХДС Ф. Мерзом, — дискуссию о «ведущей немецкой культуре» («deutsche Leitkultur»). Этот образчик консервативного новояза уже был объявлен «худшим словом года» ввиду его абсолютной невразумительности. При этом политические цели Мерза вполне однозначны: он намерен сделать иммиграцию темой кампании ХДС на выборах в Бундестаг. Опыт его товарища по партии Р. Коча в Гессене, построившего свою кампанию на расистских лозунгах, оказался успешным. Позиция Мерза такова: желающие проживать в Германии иностранцы обязаны интегрироваться в немецкую культуру и приспособиться к ней.

После долгих внутренних дискуссий и резкой критики извне, в том числе со стороны СДП, ХДС принял слоган «ведущая культура в Германии» и попыталась абстрагироваться от националистического содержания понятия — параллельно отвергая ценности мультикультурного общества.

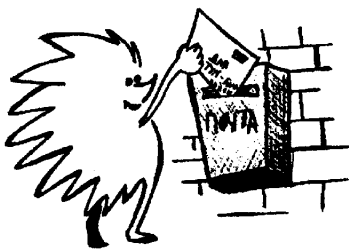
Салонные «культурные» дебаты выражают замшелые расистские идеи и имеют больше общего с уличным фашизмом, чем это хотелось бы представить верхушке ХДС. Председатель еврейской общины в Германии П. Шпигель посоветовал политикам на митинге в Берлине 9 ноября «не поджигать словами» и задал вопрос: «Немецкая ведущая культура — это охотиться на людей, поджигать синагоги, убивать бездомных?» Действительно, ХДС удачно выбрал момент для пропаганды немецких традиций.

Позиция ХДС/ХСС куда консервативнее, чем у СДП, — но, как нам представляется, последняя не менее угрожающа по своим последствиям. Социал-демократы предупреждают об опасности эксплуатации ксенофобских настроений со стороны ХДС, но сами смотрят на иммигрантов как на полезные или вредные для национальных интересов винтики. Хуже всего то, что подобную аргументацию выдают за антифашизм.

Сейчас дискуссии в прессе переключились с правого экстремизма на «ведущую культуру» и грядущий закон об иммиграции, постепенно сходя на нет. Создается впечатление, что фашизма вдруг стало меньше. Антифашистское лето было коротким. Теперь самая популярная тема в Германии — борьба с коровьим бешенством. Приличные люди заботятся о своем здоровье.

Так-Так

П Е Р Е П И С К А

Антифашисты города Белореченска приветствуют вас!

Ваша газета уникальна — ее уникальность в чистосердечном гуманизме, в разумности Ремарка и смелости понимания Человека и той катастрофы, которая грозит ему.

Подвиг «Мемориала» — обнаружение братской «могилы» в Чечне, человеческой помойке, безжалостно созданной федеральными войсками, — не может и не должен быть забыт. Раздуйте этот факт. Обнажьте перед людьми весь ужас войны! Выиграйте информационную борьбу.

Мы, интернационалисты Белореченска, поддерживаем вас и предлагаем посильную помощь.

Для нас, как бы радикально это ни было, основным средством борьбы с фашизмом является настоящая прямая борьба — удар кулаком в звериную харю безжалостного нациста.

Уничтожай нацизм, уничтожай расизм, уничтожай фашизм до последнего вздоха, до последней капли крови — вот смысл нашей жизни и ее спасение!

Сейчас мы занимаемся выпуском D.I.Y.-сборника стихов, многие (если не все) из которых будут на социальные темы. Если вы ответите на это письмо, то мы обязательно пришлем вам этот сборник.

Желаем вам удачи.

No pasaran!

Белореченская секция «Автономного действия»

исключительно безответственно позволяет себе обыгрывать смысл слова «провокация». Именно: провокация Азефа состояла в том, что — как это было ДОКАЗАНО! — глава БО ПСР вел двойную игру, с одной стороны уничтожая высокопоставленных функционеров государственной репрессивной системы, а с другой — РЕАЛЬНО СДАВАЯ ОХРАНКЕ (отдавая на смерть) участников террористической борьбы (например, «Летучий боевой отряд» Карла). Т. е. Азеф считается провокатором не в силу своего предполагаемого Arst*ом имморализма и совсем не потому, что занимался террором. Теперь зададим вопрос: какое к этому имеют отношение «провокационно»-вызывающие тексты «Т и В»? Ничего подобного глава БО ПСР никогда не делал. Каковы основания для аналогии, кроме слова «провокация»? Известно ли Arst*у и редакции «ТБ», что «революционно-террористическая» публицистика — к которой никогда не имел отношения Азеф — была именно предметом деятельности Бурцева, на которого ссылается автор? Что именно Бурцев и занимался тем, в чем «Тум-балалайка» обвиняет «Траву и Волю», — пропагандой террора? Да, многие заявления в «Т и В» выглядят совершенно безответственно — но не демонстрирует ли сам Arst* гораздо большую безответственность, намекая (а, поскольку нет прямого обвинения, доказательств также, разумеется, нет — они как бы оказываются и не нужны) на прямую причастность редакции «Т и В» к тому, за что в 1905-м году следовала — смерть? По нашему убеждению, «намек» такого рода — абсолютно недопустимы. Вместо аргументированных обвинений Arst* переводит разговор в моральную плоскость. Согласившись с этой логикой, приведем несколько цитат. Таковую, например: «блоковские двенадцать, банда уголовников» (это — оценка с точки зрения революционной этики?). А как следует понимать согласие автора с выводом о том, что «к началу XX в. революционеры перестали руководствоваться этическими критериями»? Кто именно перестал? Каляев, Созонов, Кропоткин, Спиридонова? Не является ли этот вывод — клеветой на революционное движение? А согласие с ним — «нарушением элементарных приличий по отношению к серьезным и мужественным людям»? Наконец, мы предлагаем оценить с точки зрения революционной морали следующий фрагмент: «Жуткое впечатление производит... заявление некоей "НРА" об ответственности за взрыв здания УВД Москвы 29 апреля 1998 года. Так и пишут: "Берем на себя ответственность". Видно, знают, что бояться им нечего... Кому нужны взрывы в самых недоступных и охраняемых учреждениях страны... "внутренняя угроза терроризма"...? Кому?!» В порядке необходимого пояснения — деятельность НРА не относится к беллетристике. Это — работа реальной террористическо-революционной группы. По обвинению в предполагаемой причастности к этой группе в настоящее время находятся в заключении несколько человек. И эту организацию — видимо, в силу ее террористического характера? — Arst*, судя по тексту, тоже подозревает в «провокационности». На его взгляд, видимо, взрывы правительственных институций выгодны исключительно спецслужбам. В соответствии с формальной логикой, с таким же успехом можно было бы объявить агентами охранки Халтурина и Гриневицкого. С этической же точки зрения ничем не подтвержденные намеки такого рода в адрес целой организации — в данном случае не важно даже, о чем речь — об «НРА» или о «Народной воле», — воспринимаются однозначно. Или революционная этика заключается теперь в том, чтобы считать «провокатором» каждого товарища, оказавшегося в заключении? Убеждены, что нет.

Мы считаем, что редакции газеты «Тум-балалайка» следует опубликовать это письмо — поскольку она нашла место для статьи Arst*a. Ответ на нее должен быть доступен тому же кругу читателей. Однако этого недостаточно. Поскольку все материалы «ТБ» принимаются к печати общим согласием и, значит, ответственность за публикацию статьи несет редакция газеты в целом — ей, по нашему убеждению, следует принести людям, в отношении которых оказались допущены отмеченные выше инсинуации и намеки, свои извинения.

Совет Питерской Лиги Анархистов

Исх. #103/150 от 30.11.00

С большим уважением относясь к вашему изданию, а также будучи членом редакции газеты «Человечность», решил обратиться к вам с этим письмом.

Считаю необходимым внести ясность в кое-какие вопросы и определиться с некоторыми реалиями, нравятся они кому-то или нет. В 14-м номере «Тум-балалайки» была опубликована статья «Коммунисты и антифашисты — союзники или оппоненты?» Саму постановку вопроса считаю, мягко говоря, странной.

С научной точки зрения под коммунизмом подразумевается абсолютно свободное общество всеобщего самоуправления, в котором каждый работает (точнее, самореализуется) добровольно, по своим способностям и возможностям, где осуществляется распределение по потребностям. Освобождение от любых форм угнетения и эксплуатации всеобщее — каждого отдельного человека и всего человечества! Под социализмом понимается почти то же самое, с той лишь разницей, что еще сохраняется некоторая связь между тем, сколько своего труда работоспособный человек отдал обществу, и количеством благ, которые он получает.

Подчеркну, что Маркс и Энгельс категорически отрицали какую бы то ни было возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране или нескольких странах. Они отрицательно отвечали даже на вопрос о возможности победы, длительного успеха пролетарской революции в отдельно взятой стране. Причины этого серьезны. Начнем с того, что, по марксизму, такие понятия, как «социализм», «коммунизм» с одной стороны и «государство» — с другой, абсолютно, принципиально несовместимы и взаимоисключающи, так же как, например, «государственность» и «анархизм», безвластие. Для настоящего марксиста сама мысль о «социалистическом» либо «коммунистическом» государстве не может не быть пустопорожней галиматей. Само собой разумеется, что при сохранении иной, враждебной системы (тем более на большей части планеты) ни о каком отмирании государства речи быть не может. Государство, в котором произошла бы подобная революция (при отсутствии вскоре революции международной), вынуждено было бы усиленно соревноваться с капиталистической системой в накоплении (производстве вооружений, мощи тяжелой индустрии и т. п.). Соревнование же в накоплении резко противоречило бы потребностям масс в приоритете потребления, мешало бы широкому разворачиванию завоеваний революции и означало бы, опять-таки, необходимость сохранения государства. Приоритет же потребления требовал бы устранения характернейшей черты капиталистического общества — накопления ради накопления. Для этого необходимы два условия: рабочее самоуправление (переход производства в руки самих трудящихся) и уничтожение национальных границ. Последнее также требует уничтожения государства. Добавлю, что такие явления, как товарно-денежные отношения и закон стоимости, с социализмом абсолютно несовместимы. Государство и товарно-денежные отношения исчезнуть могут только вместе.

Что же касается «диктатуры пролетариата», то под ней (как я уже писал в 6-м номере «Человечности») подразумевается не репрессивный политический режим, а социальное господство трудящихся в противовес эксплуататорам, пролетарское полугосударство. И термин этот («диктатура пролетариата») Маркс выдвинул с конкретной целью — противопоставить его популярной в то время идее диктатуры революционных вождей. Демократическая власть класса, а не власть «революционного авангарда» над классом — вот что хотели подчеркнуть Маркс и Энгельс! Эта «диктатура» была для них равносильна завоеванию демократии. Большевики же, во главе с Лениным и Троцким, вложили в это понятие иной смысл, чем имел в виду Маркс. Если последний протестовал против «диктатуры революционной группы», то при большевиках диктатура пролетариата практически свелась к диктатуре правящей партии.

Тем не менее, что касается большевизма, то, ни в коем случае не ставя своей целью его оправдание, считаю необходимым подчеркнуть, что ставить знак равенства между ним и сталинизмом недопустимо.

Большевизм — это, в значительной мере, стратегия и тактика захвата и удержания государственной власти. Его успеху в огромной степени способствовало то, что Временное правительство не начало подлинных реформ, не приняло никаких мер против сил крайней реакции, медлило с решением земельного вопроса, не провозгласило четко права национальных территорий на самоопределение, колоний — на независимость, ничего реально не сделало, чтобы прекратить войну.

Большевизм можно поставить в вину очень многое. Был установлен авторитарный (хотя еще отнюдь не тоталитарный) режим, который все больше усиливался. Тем не менее на раннем этапе большевиков отличал безусловный интернационализм.

В 1925 году сталинисты выдвинули совершенно бредовую, полностью антимарксистскую концепцию возможности построения «социализма в одной отдельно взятой стране». Если учесть, что большевики пошли на Октябрьский переворот исключительно в расчете на скорую международную, мировую революцию, то [выдвижение этой концепции] стало, по сути, концом всяких революционных целей, первоначальных задач и надежд, связанных со взятием этой партией власти.

Ну, а в 1928 году, после полной победы сталинской фракции и введения так называемых «пятилетних планов» создание мощной технической, промышленной базы для строительства сильной державы (за счет безудержной эксплуатации трудящихся и без всякого контроля снизу) в целях осуществления максимально успешной экономической и военной конкуренции с зарубежными странами, внешним миром, с Западом окончательно превратилось в главную задачу правящей клики! То есть практически это означало путь ускоренного первоначального накопления капитала, окончательную победу контрреволюции (в 1928–1929 годах), полное завершение формирования господствующего, правящего класса и торжество государственного капитализма. К 1930 году в стране установился уже *тоталитарный* режим. Именно в этот период борьба против эгалитаризма стала государственной политикой; различия между «верхами» (правящими кругами) и «низами» все более резко возрастали; посредством так называемой «коллективизации» крестьяне были либо заперещены, либо согнаны с земли, превратившись в резервную рабочую силу для промышленности (те, кому удалось попасть в города, становились, как правило, наемными рабочими); усилились репрессии, многократно возросло количество заключенных. На протяжении первой «пятилетки» реальная зарплата рабочих и служащих снизилась на 50–70%, при фактическом удлинении рабочего дня. Таким образом, резко возросла эксплуатация. Последние элементы рабочего контроля и остатки независимости профсоюзов были ликвидированы во второй половине 1920-х годов (хотя наступление на них и их постепенное свертывание, конечно, шло и раньше). Русификация стала средством фактического уничтожения всякой реальной автономии нерусских республик. СССР вновь стал Российской Империей.

Итак, сталинизм — это бюрократический государственный капитализм. При нем господствовала государственная буржуазия — эксплуататорский класс, располагавший властью и распоряжавшийся средствами производства в огосударственной экономике через власть.

Во времена Сталина этот капитализм был ранним, с существенными элементами рабства и крепостничества (которые сохранились и после смерти тирана, однако проявлялись слабее), осуществлявшим, по сути, первоначальное накопление капитала. В значительной мере это было эквивалентом пути, который прошла, например, Япония начиная с буржуазной «революции Мэйдзи» и до 1945–1946 гг. Там тоже ускоренно

накапливался капитал, деспотическими методами проводилась быстрая модернизация экономики, создание промышленной базы, в первую очередь военной мощи, при этом государство играло значительную роль. (В принципе, первоначальное накопление — общая тенденция. В Англии, к примеру, на него ушло приблизительно 300 лет, у нас же тоталитарная диктатура осуществила это лет за двадцать пять. Получилось еще более кроваво!)

Таким образом, и при Сталине, и позднее у нас была именно правая диктатура с государственной монополией в экономике. Если смотреть со строго научной точки зрения, то от фашизма режимы, подобные сталинизму, Мэйдзи, маоизму и т. п., отличаются тем именно, что возникают в отсталом обществе, «верхи» которого стремятся к грандиозному военно-промышленному, индустриальному рывку вперед в своих классовых интересах. Нацизм и фашизм появляются на достаточно зрелой стадии развития капитализма, как своеобразный ответ, болезненное реагирование на кризис последнего.

Вообще, фашизм как течение, при его возникновении, я научно охарактеризовал бы так: крайне националистическое, мелкобуржуазное эгалитаристское движение, появляющееся на определенном этапе капиталистического развития, вызванное к жизни как реакция классов, слоев, групп, проигрывающих в результате капиталистических процессов и кризиса буржуазного общества, на новые трагические реалии. (Нацизм, конечно, то же самое, но с более жестким уклоном в национальные признаки, «расовую основу», «чистоту крови», чего не было у Муссолини.)

Разумеется, когда нацизм, фашизм у власти, то это открыто террористическая диктатура крупнейшего монополистического капитала в крайне агрессивных, шовинистических и реакционных формах. Причем опирающаяся на партию, построенную по принципу фюрерства, вождизма.

Между прочим, с точки зрения теории государственного капитализма нет никаких препятствий к тому, чтобы признать сталинский режим (с момента достижения им определенного индустриального уровня и все более откровенного принятия на вооружение агрессивного великорусского шовинизма) разновидностью фашизма. Безусловно, диктатура монополистического капитала имела место. И она опиралась на партию, которая была, несомненно, построена по вождистскому принципу.

Подчеркну также, что различия между типами диктатур с *научной точки зрения* никакого отношения к их жестокости, кровожадности и уровню репрессий не имеют. Например, режим в Японии до 1945 года, не бывший, строго говоря, классически фашистским, по размаху репрессий и убийств значительно превосходил фашистский режим в Италии. Исследование и классификация разновидностей всевозможной мерзости ни в коем случае не означают, что какая-либо из них лучше других! Однако изучать и анализировать нужно все. И бороться со *всеми*.

К сожалению, сейчас над миром довлеет консервативный порыв. У нас в России — особенно регрессивная, преддиктатурная стадия развития. В этих условиях особенно необходима борьба за демократию и права человека, против любых нарушений этих прав по всем линиям и на всех направлениях! Лично для меня путь к социализму — это распространение демократии, гуманизма, человеческих прав абсолютно на все сферы жизни и деятельности. Права политические, гражданские, социально-экономические, права женщин, молодежи, учащихся, несовершеннолетних детей и подростков, национальных и секс-меньшинств, заключенных — все это чрезвычайно важно и необходимо. И за все нужно бороться!

Быть правозащитником — долг всех, для кого неприятие, отторжение любого угнетения на этой земле (и нацизма как самого омерзительного, кровавого и опасного из его проявлений) — чувство личное и требующее реальных действий! Именно в этом заключается антифашизм в широком, подлинном смысле слова.

Я читал большинство номеров «Тум-балалайки» и убежден, что вы именно таковы. Поэтому дело наше — общее.

В свое время, в бытность мою членом Московского антифашистского центра, мой товарищ по этой организации Павел Томачинский выработал для обозначения любых врагов демократии, свободы, прав человека, сторонников антигуманных, бесчеловечных движений термин «клиентурность». Мы с ним, а теперь и с коллегами из нашей газеты, так и называем их: «наши клиенты». Так вот, в борьбе против нацизма, фашизма, сталинизма, черносотенства, ксенофобии, антисемитизма, расизма, национализма, шовинизма, опасности какой бы то ни было диктатуры — словом, против любой «клиентурности», а также за свободу, интернационализм, гуманизм и человеческие права мы с вами абсолютно едины (независимо от возможных идеологических разногласий по отношению к марксизму, вопросам социализма и т. п.). Поэтому давайте сотрудничать!

Возвращаясь к статье о коммунистах и антифашистах, замечу, что настоящие, истинные коммунисты — всегда в рядах самых последовательных антифашистов (о том, какое отношение к коммунизму имеет ГУЛАГ, см. выше), а КПРФ не является не только классически левой, но и вообще левой партией ни на один атом. Это ультраконсервативная, крайне правая, полуфашистская как минимум, партия. (Рекомендую прочесть статью В. Глубокомыслящего «Феномен “красно-коричневых”» в № 2 (6) газеты «Человечность» за прошлый год.) Естественно, с нашими современными «компартиями» все антифашисты обязаны вести непримиримую борьбу!

Ну, а что касается анархистов и ультралевых, то, несмотря на то что многие из них (в том числе и Миша Магид, который сейчас скорее не анархист, а ретекоммунист [вероятно, имеется в виду коммунист — сторонник власти советов народных депутатов (от нем. Räte — советы). — «Т. Б.»] и с которым автор этих строк хорошо знаком лично) допускают грубейшую ошибку, безумный загиб, приравнивая, в сущности, демократию к тоталитаризму и фашизму, субъективно они в большинстве своем честны, настроены антифашистски, искренни в своих взглядах. Разумеется, я резко осуждаю их левацкие загибы, с фашизмом могут (и должны) бороться и социал-демократы, и буржуазные демократы, и честные либералы (не путать с фашизоидными правоконсервативными либералами, вроде Хакамады, Борового, Новодворской, Казначеева и Ко, мечтающими о кровавой диктатуре наподобие режимов Франко или Пиночета). Хотя на Западе, насколько мне известно, реально борются с фашистами в основном левые.

Отождествлять же анархистов, леваков с ультраправой, реакционной, а подчас и просто фашистской, хотя и «краснознаменной», сволочью (анпиловцами, зюгановцами, тюлькинцами и т. п.) считаю категорически недопустимым! Если бы анархисты признавали государство, то имели бы полную возможность (и моральное право) предъявить в случае публичного распространения таких «сведений» иск о клевете.

Буржуазную демократию я, конечно, и сам критикую, но не потому, что она демократия, а потому, что буржуазная, ограниченная, распространяется не на все и допускает немало несправедливостей, включая серьезное социальное неравенство. И бороться надо не против нее, а за ее максимальное расширение, по возможности с выходом за буржуазные рамки.

Вообще, на мой взгляд, сейчас стране необходима радикально-демократическая революция. (Относительно последнего, кстати, вся наша редакция более или менее согласна.)

Владимир Сиротин

Нет границам!

No Borders Network (сеть «Нет границам») — одна из самых широких сетей на территории Европы, реально действующих в настоящее время. Она состоит из разных гражданских организаций, выступающих против закрытия границ вокруг ЕС и депортации нелегальных эмигрантов. Деятельность сети направлена на проблемы беженцев и эмигрантов, прибывших или желающих попасть в Европейский союз.

За последние несколько лет положение эмигрантов в Европе значительно ухудшилось. После Шенгенского договора страны ЕС начали унифицировать свои законы — разумеется, ужесточая их в отношении эмиграции. Кроме того, усиливается контроль над эмигрантами на территории ЕС: 86% информации первой трансевропейской системы наблюдения «Shengen Information System» (Шенгенской информационной системы) касается эмигрантов или депортируемых из ЕС людей. Легальный статус эмигранта получает все меньшее количество людей. Предвидя увеличение потока беженцев, ЕС устанавливает более строгий таможенный контроль и визовый режим. Одним из принципиальных требований к странам Восточной Европы для вступления в ЕС является принятие суровой политики по отношению к эмигрантам. Не только пересечение границ, но и условия жизни эмигрантов, уже находящихся на территории ЕС, усложняются. Из-за современной европейской политики эмигранты постепенно теряют свои права на работу, на образование, на медицинскую помощь. Следовательно, эмигрантам приходится выполнять черную работу, их дети не могут учиться и т. д. Такое положение маргинализует эмигрантов и их имидж становится «криминальным», что служит незаконным поводом для дискриминации и преследований. Вслед за шенгенскими преобразованиями законов из Евросоюза теперь депортируют и тех, кто уже десятки лет живет в ЕС, и их детей, эмигрантов во втором поколении.

Поток эмигрантов и беженцев в западные страны нужно рассматривать в историческом аспекте. Во время колонизации западные страны эксплуатировали свои колонии ради роста экономики и уровня жизни. Сегодня деятельность транснациональных корпораций, МВФ и Всемирного банка во многом похожа на прошлую экономическую политику, и вся прибыль опять достается западным странам. Прямым ответом на свою деятельность ЕС получает поток эмигрантов и беженцев, от которых он пытается отгородиться депортациями и закрытием границ вокруг своей территории. Сеть «Нет границам» занимается всеми эмигрантами, а не только приехавшими из «опасных» стран или по политическим причинам.

Кроме антирасистских гражданских организаций в сеть «Нет границам» входят также организации и группы эмигрантов. Самая большая из них — группа «Sans Papiers» («Без документов»), которая сформировалась в марте 1996 года в Париже при захвате церкви в знак протеста против депортаций. Сеть «Нет границам» координирует две главных практических кампании. Одна из них — «Deportation Alliance» («Союз депортации»). Это сайт, где собраны все проекты против авиакомпаний, которые предоставляют для депортаций свои самолеты. Такие авиакомпании есть почти во всех странах ЕС: «Air France» (F), «Air Sabena» (B), «Martinair» (NL), «British Airways» (GB), «Iberia» (E), «Lufthansa» и «KLM» (D).

Вторая кампания сети, «No One Is Illegal» («Никто не нелегальный»), — это организация летних лагерей на границах ЕС. Первый лагерь был создан в 1997 году в Германии, на пересечении границ Германии, Польши и Чехии. Прошлым летом лагерей было четыре: в Германии, Польше, Италии и в США на границе с Мексикой. Кроме этих четырех лагерей, будущим летом лагеря планируют провести еще в Великобритании и Испании. Сеть «Нет границам» участвует также в протестах во время ежегодных саммитов ЕС, чтобы выразить свое недовольство его эмигрантской политикой.

Туули Хакулинен

Антииммиграционная политика Европы

За последнее десятилетие проблема иммигрантов и направленной против них политики стала одной из важнейших для стран Европейского союза. С тех пор как в Шенгене пять стран заключили между собой договор об уничтожении общих границ, создавались все новые и новые препятствия для иммигрантов и беженцев. Уже осуществлено очень много такого рода планов, и они стали частью политических программ крайне правых партий, таких как Национальный фронт во Франции в 1980-е годы. Помимо этого, действия, которые сегодня предпринимает ЕС по отношению к политическим беженцам, нарушают некоторые пункты Женевской конвенции о правах беженцев 1951 года. Европейские антифашисты говорят о «крепости Европа», призванной для «обороны» от иммигрантов. Более 2000 человек погибли, пытаясь нелегально пересечь границы ЕС.

Процессы, приводящие к таким фатальным результатам, были инициированы бюрократической верхушкой и поддержаны Советом ЕС, а также высшими властями Евросоюза. Ни национальные парламенты, ни Европейский парламент не могли внести свои поправки и были вынуждены согласиться с этой политикой ради идеи объединения Европы. Кроме того, такие страны, как Германия, Нидерланды и Австрия, поставили другие страны, например Грецию и Италию, проводить более жесткую иммиграционную политику, угрожая в противном случае ввести против них экономические санкции. Требования справедливости и демократии в этой ситуации отходят на второй план.

В Европе нелегальные иммигранты, число которых постоянно растет, принуждены работать в сфере текстильной промышленности и сельского хозяйства. Таким образом, получая зарплату ниже минимальной, они поддерживают конкурентоспособность этой сферы европейской экономики на мировом уровне. В то же время они лишены основных гражданских прав: права на образование и права на медицинскую помощь. Более того, они подвергаются преследованию со стороны полиции и попадают в тюрьмы, специально предназначенные для нелегальных иммигрантов. Многие европейские антифашисты помогают таким людям, обеспечивая им жилье, питание, образование, юридическую и медицинскую помощь. Во Франции нелегальные иммигранты создали политическое движение в защиту своих прав.

Европейская система международных отношений сама себе противоречит, с одной стороны пропагандируя определенные ценности и понятия, а с другой — ограничивая участие в общеевропейской жизни тех, кто представляет собой экономически выгодную рабочую силу, тех, кого считают этническими европейцами (например, русских немцев), или тех, кому повезло и кого признали беженцами. Если повнимательнее взглянуть на последние события, станет ясно, что страны ЕС больше не готовы предоставлять политическое убежище.

Провозглашение Европы территорией, открытой для «свободы, безопасности и справедливости» (Амстердамский договор ЕС 1997 года), — это ложь, которой успокаивают себя европейские политики.

До подписания в 1985 году Шенгенского договора западноевропейское сотрудничество ограничивалось сферой экономики. Его цель состояла в том, чтобы поддерживать отечественных производителей, а также занимать влиятельную и твердую позицию в международных торговых отношениях. Потребность европейских компаний в беспрепятственном передвижении людей и товаров, необходимом для создания общего рынка, реализовалась в переговорах между Германией, Францией и странами Бенилюкса, посвященных взаимному сотруд-

ничеству полиции этих государств и контролю над проезжающими. В результате этого и был подписан Шенгенский договор, что означало установление новых стандартов в этой области для растущего числа европейских стран. Предупреждение нелегальной иммиграции было одной из главных задач Шенгенского договора. Для 129 стран был введен общий визовый режим, а в аэропортах неевропейских стран въездные документы и визы начали проверять еще до посадки в самолет; получить же политическое убежище стало возможным только в той стране Шенгена, чью границу беженцы пересекали первой. Реализация договора зависела от чиновников министерств стран-участников. Чиновники, в свою очередь, находились под контролем министров и государственных секретарей. У национальных парламентов не было иного выбора: либо принять договор полностью, либо его отвергнуть. К странам, заключившим договор, затем присоединились и остальные государства ЕС, за исключением Великобритании и Ирландии, а также не входящие в Союз Норвегия и Исландия. Только в 1995 (!) году условия этого договора начали выполняться.

В течение десяти лет чиновники европейских стран объединялись в различные рабочие группы, тем самым создавая прецедент совместного общеевропейского управления. Тем временем в голландском городе Маастрихт был подписан еще один чрезвычайно важный договор между странами ЕС. Кроме сотрудничества в экономике и во внешней политике, наметилась новая линия со-

трудничества — в сферах, подведомственных министерствам юстиции и внутренних дел; обсуждался и вопрос об иммигрантах и беженцах. Нидерланды предложили рабочую программу, основанную на требованиях Германии унифицировать политику по беженцам для всех европейских стран. Эта рабочая программа и была включена в состав договора.

В программе говорилось о злоупотреблении статусом беженца со стороны нелегальных иммигрантов. В связи с этим были предложены способы изгнания людей, которых нельзя признать беженцами. Так, не будут признаны беженцами выходцы из стран, которые ЕС считает безопасными. Кроме того, в каждой стране должна быть создана центральная инстанция, где решалась бы судьба беженцев: будут они высланы обратно или нет. В этой же программе был предложен перечень мер, которые будут применяться против нелегальных иммигрантов, уже живущих в ЕС. Нелегальные иммигранты должны быть лишены права на «легальную» работу и помощь благотворительных организаций.

Выполнение всех этих мер будет контролироваться специальным комитетом высших должностных лиц, находящимся под присмотром министров юстиции и внутренних дел, — система, которую многие политики уже окрестили «политбюро». Европарламент и Европейский суд не входят в эту структуру, национальные парламенты могут следить лишь за действиями своих министров.

Последствия Маастрихтского договора оказались чрезвычайно тяжелыми для нелегальных иммигрантов: им отказывали в медицинской помощи, полиция совершала аресты иммигрантов прямо на рабочих местах, а затем переправляла в специальные тюрьмы. То же угрожало и беженцам из тех государств, которые считались безопасными, например цыганам, спасавшимся от погромов в Румынии, и беженцам из стран Ближнего Востока. Изгнание беженцев во множестве случаев приводило к нанесению увечий, изнасилованиям и даже к гибели людей.

Однако протесты против новой антииммиграционной политики прошли незамеченными на фоне исторических событий, которые

Демонстрация беженцев в Голландии

сами по себе использовались как аргумент для ужесточения мер против переселенцев. Так, падение Берлинской стены и гражданская война в Югославии повлекли за собой новый поток беженцев и иммигрантов из Восточной Европы в страны ЕС. В 1992 году в Лондоне ЕС решил внести изменения в процедуры, связанные с политическими беженцами. Решение было принято в течение суток. Помимо этого, был составлен список «безопасных» стран.

После 1991 года немецкие дипломаты заключили антииммиграционные соглашения с несколькими странами Восточной Европы. Все восточноевропейские страны, за исключением России и Беларуси, согласились принимать иммигрантов и беженцев, депортированных из ЕС, в обмен на экономическую поддержку и в будущем — на членство в ЕС. Эта так называемая «Будапештская группа» также решила ужесточить политику в отношении иммигрантов и беженцев.

Очерчивая зону «безопасных» стран вокруг Европы, политики ЕС столкнулись с проблемой налаживания контактов с Турцией. Турция известна постоянными нарушениями прав человека, в особенности в связи с «антитеррористическими» операциями против курдов, живущих на востоке страны. По этой причине Турции было отказано в членстве в Европейском союзе, однако в то же время Турция была вовлечена в его антииммиграционную стратегию. И Турция, и страны Будапештской группы получали финансовое и материально-техническое обеспечение за то, что патрулировали свои границы.

В то же время на внешних границах ЕС возникали новые явления: концентрационные лагеря в испанских колониях Сеута и Мелилья на североафриканском побережье, где находятся в заключении тысячи людей; немецкие и австрийские патрули, вооруженные по последнему слову техники; многие тысячи простых граждан, следящие за тем, чтобы беженцы не пересекали немецко-польскую границу на Одере и Нейсе; итальянский флот, блокирующий и затапливающий албанские суда, полные беженцев и нелегальных иммигрантов, в проливе Оранто.

Сейчас способы охраны границ ЕС можно сравнить только со стратегиями Америки и России, выработанными во время холодной войны. Оправданием ужесточению контроля чаще всего называют попытки тайного пересечения границ. Вне всякого сомнения, такие попытки совершаются, но одна из причин этого, безусловно, отсутствие легальных возможностей въезда в Европу. Зачастую беженцы платят огромные суммы международным мафиозным структурам за поддельные документы, это происходит и в России. С другой стороны, множество мафиозных структур существует для того, чтобы обеспечивать европейские фирмы дешевой рабочей силой. Так, женщин с Филиппин и Карибских островов обманым путем провозят в Европу и делают проститутками.

Серьезную попытку создать противовес антииммиграционной политике ЕС сделала антирасистская и антифашистская сеть под названием «United for Intercultural Action» (см. «Тумбалалайку» № 14). Рабочие-беженцы и антирасисты собирались на митинги и конференции, чтобы обсудить пути противодействия Шенгену и политике ЕС. Они начали следить за событиями внутри различных институтов ЕС, чтобы иметь возможность отстаивать другие подходы, изучали прямые последствия политики ЕС на границах и за ними. Секретариат «United» составил список погибших на европейских границах.

Хотя «United» не удалось достичь заметных политических результатов, деятельность этой организации способствовала усилению движения в поддержку беженцев и иммигрантов. По всей Западной Европе устраиваются кампании против высы-

лок, демонстрации против тюрем для «нелегальных» иммигрантов, пикеты у офисов авиакомпаний, осуществляющих депортации.

Амстердамский договор, подписанный в 1997 году, не принес никаких технических изменений, но вывел на первое место проблему реорганизации и легализации антииммигрантской политики ЕС. Шенгенский договор был вписан в состав законов и уставов ЕС. Иммиграция и охрана границ стали объектами общей политики ЕС, регулируемой Европейской комиссией под контролем Европейского суда и Европарламента, хотя последним было запрещено вносить какие-либо поправки или изменения в течение пяти лет. Однако часть договора осталась скрытой: это инструкции по выдаче виз, руководства для пограничных патрулей и информационная система Шенгенского договора, всеохватывающая компьютерная сеть, которая используется всеми видами полицейских и пограничных подразделений.

Когда в 1997 году в Курдской автономии в Северном Ираке началась жестокая борьба между двумя политическими движениями, европейские средства массовой информации и крупные чиновники констатировали массовый наплыв беженцев в Европу. После того как к итальянскому берегу подошли два судна с курдскими беженцами, голландские и немецкие дипломаты заняли агрессивную позицию по отношению к Италии и Греции, настаивая на улучшении патрулирования границ. Одним из обоснований такой реакции было большое количество беженцев, прибывших в Европу (якобы более 10 000 человек). Одновременно все страны ЕС стали оказывать давление на Турцию, требуя задерживать

курдских беженцев в специальных центрах. Это вызвало конфликт между ЕС и Верховным комиссариатом ООН по делам беженцев, единственной организацией, принимающей активное участие в судьбе беженцев в Турции. Верховный комиссариат очень резко отреагировал на абсолютно безосновательное предположение ЕС о количестве людей, едущих в Европу, а также напомнил об обязательствах по отношению к беженцам, утвержденных в 1951 году Женевской конвенцией. В конце концов только 2000 курдов попросило политического убежища в странах ЕС, 65% из них были приняты, в основном Италией, которая проводила корректную и гуманную политику.

В 1998 году председательствовать в ЕС стала Австрия, и австрийское правительство предложило новый договор о беженцах, на смену Женевскому, который был признан устаревшим. Согласно этому предложению, люди, спасающиеся от гражданской войны или этнических преследований, не рассматриваются как политические беженцы. Кроме того, предлагается включить страны, не входящие в ЕС, в общеевропейскую борьбу с нелегальной иммиграцией. Будапештская группа должна принять правила Шенгена, Турция и СНГ будут получать интенсивную экономическую поддержку в обмен на улучшение охраны границ, африканским и ближневосточным странам также будет оказана финансовая помощь. Европейский и национальные парламенты, а также Верховный комиссариат ООН по делам беженцев и некоторые неправительственные организации заявили протест против предложения Австрии, и оно было отклонено.

Тем временем косовский кризис достиг той точки, когда началось этнических албанцев из страны, и Верховный комиссариат ООН и другие организации убеждали ЕС не депортировать беженцев, а помочь им. Ответственные за это европейские министры первым делом усилили патрулирование границ (только на границах Германии было размещено 9000 дополнительных отрядов) и ввели патрули во всех аэропортах, на вокзалах и в поездах, идущих из-за границы. Германия и Франция настаивали на создании приютов для беженцев внутри Косова, а Шенгенская рабочая группа получила распоряжение составить план действий против массового наплыва бе-

Слева: забор фильтрационного лагеря для беженцев в Германии

Справа: забор концлагеря в Освенциме

женцев из Косова и прилегающих к нему территорий. Албания и Македония получили транспорт и военное снаряжение для укрепления пограничного контроля, а также содействие войск НАТО. Более активным стало сотрудничество со странами Центральной Европы, такими как Венгрия и Чехия.

Сначала люди бежали в Албанию, Черногорию и Македонию, где возможности для приема беженцев и запасы пищи были ограничены. Черногория закрыла свои границы, приняв 42 000 человек. В то же время Германия отказалась впускать беженцев: чиновники министерства иностранных дел полагают, что можно найти убежище в пределах Югославии, и считали недоказанным, что действия сербской армии носили характер этнической чистки. После того, как начались бомбардировки НАТО, министры ЕС решили впустить 100 000 беженцев в Албанию и Македонию. Только когда число беженцев достигло катастрофической цифры — 1 000 000 человек, страны ЕС приняли несколько тысяч. Во всех странах ЕС гуманитарная помощь пользовалась огромной поддержкой населения, чья реакция на происходящее резко отличалась от правительственной.

В 1999 году начал работу новый совет высших чиновников ЕС по иммигрантам и беженцам — Рабочая группа высшего уровня (РГВУ). Эта группа появилась в результате обсуждения ситуации с курдскими беженцами и памятным предложением Австрии. РГВУ должна была исследовать политическую ситуацию в тех странах, откуда выезжает больше всего беженцев, и разработать политику по отношению к этим странам. Хотя эта программа действий смотрит в корень проблемы, возможности РГВУ сводятся к четырем пунктам: сбору статистических данных по иммиграции в разных странах ЕС; разработке мер в связи с депортацией беженцев; созданию информационных центров для потенциальных иммигрантов в их родных странах; борьбе с контрабандой людей.

В октябре 1999 года на саммите ЕС в Тампере Финляндия выдвинула предложение о совместном договоре по иммиграции. Высшие должностные лица ЕС пришли к выводу, что на будущее необходимо упорядочить эту область политики. Кроме всего прочего, это означает, что отдельные государства больше не имеют возможности принимать собственные меры. Например, это положило конец практике легализации «нелегальных» иммигрантов в Италии и Голландии.

Во время саммита в Тампере собрались антирасисты и антифашисты из многих европейских стран. Было решено создать сеть «Border» («Граница»). Цель этой сети в том, чтобы сделать более активной борьбу с «крепостью Европой». Группы, входящие в эту сеть, обмениваются информацией и участвуют в совместных акциях. Хороший пример такого сотрудничества — немецко-польские лагеря на границе: «Гёрлиц-98» и «Циттау-99». Электронный бюллетень сети дает широкое представление о том, что сейчас происходит в Европе.

Усилия, предпринимаемые для того, чтобы вывести дискуссию об иммиграции с уровня закрытых обсуждений на парламентский уровень и сделать достоянием общественной политической жизни, принесли свои плоды, и сейчас обсуждается новая иммиграционная политика. К сожалению, результаты этой дискуссии сводятся главным образом к приглашению на работу в ЕС специалистов по информационным технологиям из стран «третьего мира», например из Индии.

В то же время не прекращаются нападки на Женевскую конвенцию 1951 года. В мае 2000 года было решено, что людям, спасающимся от войны, будет предоставляться лишь временное политическое убежище. Более того, под вопросом сейчас судьба Женевской конвенции в целом. В июле прошлого года голландский парламент уже предлагал внести в него изменения. Эта проблема будет обсуждаться на высшем уровне в ближайшем будущем.

Для России внутренние проблемы ЕС, может быть, имеют второстепенное значение: количество несчастных случаев и уровень жестокости в Европе не идут ни в какое сравнение с

российскими стандартами. И все же европейские события еще раз показывают, что изменились и времена, и взгляды. Страны ЕС теперь закрыты для тех, кто бежит от войны в Чечне или жестокой российской действительности.

Важно следить за ситуацией как внутри ЕС, так и на его границах с Россией и поддерживать европейских антирасистов и антифашистов в борьбе за открытые границы. Любая информация и действия в поддержку их дела будут приняты с благодарностью.

Гномик Автономик

United for Intercultural Action: united@united.non-profit.nl

Рассылка «Нет границам» на русском языке:

netgranitsam@noborder.eu.org

Сеть «Нет границам»: <http://www.noborder.org/>

Против авиакомпаний: <http://www.deportation-class.com> и

www.deportation-alliance.com

Архив рассылки «Open Europe»: <http://openeurope.listbot.com/>

Охота на людей

Приехали, чтобы убрать нелегалов,
с утра, среди ночи.
На черном вороне, скрытая демонстрация силы,
они приезжают на обычную мирную улицу
и останавливаются шумно,
или тихо, как кошка, прыгая на невинную мышку.

Приехали, чтобы убрать нелегалов,
которым нельзя быть в этом городе,
которым нельзя быть нигде,
нигде в кажущейся приветливой неизменности,
наполненной вежливыми людьми.
Когда их десять, они отваживаются.
Когда их двадцать, они берут
официально не существующих людей
из кроватей — и увозят их.

Они звонят и в двери колотят.
Белые соседи просыпаются от страха,
но потом засыпают,
мечтая о тюльпанах, мельницах и лягушках,
квакающих об «Аяксе» и «Фейеноорде» *,
о каникулах и кредитах.

Приехали, чтобы убрать нелегалов,
и говорят: «Мы не вторгаемся.
Это — не облава. Это — расследование».
Пока они бросают дом в беспорядке
и стучат в стену, чтобы проверить,
не прячутся ли там нелегалы.
Если они найдут место в подполье,
например шкаф или подвал,
это называют «положением Анны Франк».

Но они не сволочи
и, конечно, не расисты, и совсем не фашисты.
Потому что фашизм в 1945 году умер. И погребен.
И никогда не вернется.
Это они вам гарантируют,
положа руку на сердце.

Харри Вэстэринк (Лейден, Голландия)

* «Аякс» и «Фейеноорд» — футбольные команды Амстердама и Роттердама.

рисовки, в силу естественно присущего им гуманизма опровергают всю бесчеловечность фашистского ада. Этих людей нацистам, может быть, и удалось сделать рабами — но животными их сделать не удалось.

Мелодия, заказанная для Карла, сопровождает отъезд в небывшие Анны и Давида и звучит как реквием по самым незащитным людям в этом мире.

Последний кадр фильма — это экспрессионистски высвеченная из тьмы диагональ через весь экран: глаза Карла. Он лежит, спрятанный доктором Кремье в лазарете, и смотрит прямо на нас, зрителей. Его глаза полны слез, но плакать он не может. Его взгляд неподвижный, но не омертвевший — он идет из самой глубины души и, пронзив и парализовав Карла, пронзает и нас тоже. Это взгляд человека, пережившего непереносимое: едва подружившись с Давидом, он его потерял, Давид погиб за него. И Карл не забудет Давида никогда. Ярость, мрак, свет, кипящая немая боль в глазах Карла обращены к нам, потомкам: мы тоже не должны забывать — ничего и никогда.

«Загон» очень богат конкретикой в изображении концлагеря. Но Гатти делал свой фильм не ради одного лишь натурализма. Его критическая мысль направлена не столько на палачей (здесь все и так ясно), сколько на разноликую массу жертв — то есть на общество в целом. Ведь, при всей своей фактурной и исторической достоверности, концлагерь в фильме становится моделью социума и единственно правдивым символом человеческого существования в XX веке. Этот аспект проблемы прекрасно уловила консервативная критика, ополчившаяся на «Загон» сразу по его выходе: законопослушному большинству обывателей очень не понравилось, что режиссер внятно и образно сказал с экрана о врожденном пороке этого большинства — о его нутряном зоологическом антисемитизме. Под лозунгами «Прекратите кощунство! Оставьте мучеников в покое! Уважайте их страдания!» общество пыталось скрыть свою постыдную болезнь. Чтобы лучше это понять, вернемся еще раз к фильму.

Критиковать жертв — действительно кощунство. Но обратим внимание на существо вопроса, на актуальный сектор проблематики фильма: ведь антифашистское искусство сходно с профилактикой болезни, и Арман Гатти ставил «Загон» не только в память о жертвах, но и ради того, чтобы не допустить жертв в будущем.

Подпольный комитет предпочел сласти Карла как известного и проверенного человека. Между тем вот что говорит сам Карл Давиду, сидя с ним в загоне: «Я старая лагерная крыса. Коли такие, как я, вымрут — значит, конец войне!.. Можешь мне поверить! Я пережил почти всех своих товарищей. Нас осталась небольшая горсточка, все как на подбор — крепкие орешки. Какая разница — сегодня или завтра... Лагерный круг завершен. Я вытерпел все до конца. Для меня ни тут, ни на свободе не осталось уже места. Слишком затвердела у нас шкура, слишком мы огрубели в лагерях. Пожалуй, не сумели бы мы теперь жить, как полагается. Освободи нас — все равно через неделю после заключения мира мы вновь угодим на каторгу... Войне конец...» В отличие от Карла, Давид еще молод и надеется продолжить жизнь на свободе. Но он никому не известен, не близок и не дорог, к тому же — еврей, то есть потенциальный изгой, аутсайдер и чужак. Подпольщики, как говорится, сделали свой выбор: избавив от гибели одного человека, обрекли на смерть — в силу пусть и не ими изобретенной чудовищной логики концлагеря — другого. Это и выбор подружившегося с Давидом Карла, который уже не чувствует сил к жизни на свободе и стандартно действует в соответствии с биологическим инстинктом самосохранения. Лишь после гибели Давида Карл понимает свою причастность к ней и ощущает себя в чем-то виновным.

Как видим, моральная проблематика фильма невероятно сложна: подвижничество неразрывно связано с предательством. Подвиг же, выразившийся в акте самопожертвования, совершает Давид. Он вовсе не герой по натуре — просто действует как порядочный человек, когда утром Шеллер приближается к загому, Давид прычет от него башмак, потерянный Карлом, когда тот пролезал

Давид никого не осуждает — робко, но спокойно и интеллигентно он идет на смерть. Лишь Анна Чапек, так и не получив свою награду за ночную вылазку, горько и печально иронизирует по поводу безразличия большинства к участи отверженных и незащитных, когда говорит доктору Кремье накануне собственной казни: «Вы сэкономили ампулу морфия».

«Загон» смог появиться на гребне общего подъема французского кино в конце 50-х — начале 60-х годов, связанного с возникновением направления «Новая волна», представители которого обратились к актуальной, в том числе политической, проблематике. Тема концлагерей буквально витала в воздухе. Увидев «Пассажирку» (1961) Анджее Мунка, Жан-Люк Годар писал: «Вот, например, концлагерь. Единственный истинный фильм о них, который никогда не был и не будет снят, потому что он был бы невыносим, это фильм о лагере с точки зрения палачей с их повседневными заботами. Как засунуть двухметровое человеческое тело в пятидесятисантиметровый гроб? Как вывезти десять тонн рук и ног в трехтонном вагоне? Как сжечь сто женщин, если бензина хватит на десятерых? Надо бы показать машинисток, которые все это регистрируют. Невыносим был бы не исходящий от этих сцен ужас, а, наоборот, их совершенно нормальный, человеческий аспект».

Арман Гатти отчасти воплотил этот замысел: «Совершеннейший лед... Черт бы их всех подрал! Наверное, крематорий не работает» — ругается Вейссенборн, принимая душ в утро казни. Но Гатти интересовало все же нечто иное — об этом сказал его соавтор в написании сценария Пьер Жоффрой: «Неимоверное количество мертвецов мешает отчетливо представить себе одного-единственного. Этим и объясняется тот невероятный факт, что к шестидесятому году (год начала съемок фильма «Загон» на киностудии «Триглав-фильм» в Любляне. — Д.) люди хотя и знали отлично, что именно произошло, но, вспоминая об этом, уже ничего не чувствовали. Все успело перейти в область туманных представлений...»

Гатти как раз и поведал о судьбе почти всеми забытого человека, жизнь которого уникальна, неповторима и невозвратима, как любая человеческая жизнь.

Сегодня «Загон» воспринимается как фильм интернациональный — не столько по причине совместного франко-югославского производства и разнонационального состава его персонажей и исполнителей ролей (в ленте снимались французы, немцы, югославы; в оригинальной ее версии все действующие лица говорят на своем родном языке, перевод реплик на французский осуществляется в субтитрах), — сколько в силу международной актуальности его идеи.

В 1961 году «Загон» был отмечен «Серебряным призом» за режиссуру на кинофестивале в Москве, вскоре после того вышел в советский кинопрокат. В 1963 году издательство «Искусство» выпустило отдельной книжкой сценарий фильма.

В годы «оттепели» наряду с «Загоном» в СССР шли многие известные фильмы, где затрагивалась тема Холокоста: «Звезды» (1959) и «Профессор Мамлок» (1961) Конрада Вольфа, «Девятый круг» (1960) Франце Штиглица, «Эшелон из рая» (1963) Збынека Бриниха, «Магазин на площади» (1965) Яна Кадара и Эльмара Клоса...

Когда в 1967 году разразилась война между арабскими странами и государством Израиль, все эти фильмы моментально были сняты с отечественных экранов и запрещены к показу. Даже феерическая и бурлящая юмором израильская кинокомедия из жизни дореволюционной Одессы «Летающий сват», прибывшая в то лето в Москву вместе с фестивальной кинопрограммой, выдержала лишь один полуподпольный показ в Малом зале Дома кинематографистов, после чего копия фильма по приказу партийных и гэбистских верхов была спешным порядком отослана в аэропорт и отправлена на «историческую родину»...

А в СССР вновь и надолго наступила эпоха государственного антисемитизма, запоздалые тухлые плоды которой мы пожинаем до сих пор. Таким образом, то, что критиковал Арман Гатти в фильме «Загон», и сегодня, к сожалению, живет и процветает.

Сказание об истребленном еврейском народе

Сопоставляя даты, читатель может удивиться тому, какая толща времени отделяет поэму Ицхака Каценельсона «Сказание об истребленном еврейском народе», написанную на идиш осенью 1943 — зимой 1944 года, от ее выхода в широкий мир, за рамки одной культуры. 1994 год — перевод на немецкий, в 1998 году Ефим Эткинд закончил весьма удачный русский перевод, сопроводив его переводами статей, посвященных истории написания и издания этой книги, комментариями и статьями Арно Лустигера и Вольфа Бирмана о еврейском Сопротивлении.

Когда речь идет о событиях Второй мировой войны, об истории массового уничтожения людей нацистами, движение еврейского Сопротивления иногда подвергается критике за нерешительность, разобщенность, малоэффективные действия. Думается, что не стоит переоценивать свободу жертвы перед цепенящим взглядом палача, хладнокровно действующего по заранее составленному плану, искусно сочетающего открытую жестокость (запреты, расстрелы, создание гетто) с действиями, призванными обмануть тревогу и вселить уверенность в будущем (создание органов внутреннего самоуправления, врачи в концлагере, сопровождающие заключенных в «душевые» — газовые камеры). Поэтому, если кто-то хотел надеяться на лучшее, у него эта возможность сохранялась — вплоть до внезапной и неумолимой смерти. И дело не в особой психологии именно этого народа: в Советском Союзе также далеко не все жители занятых фашистами территорий уходили в партизаны, надеясь пережить оккупацию в родных стенах, — при том, что советское партизанское движение было одним из самых значительных во Вторую мировую войну, наряду с Сопротивлением в Южной Франции и Югославии.

В нацистском геноциде народов история евреев представляет собой крайний случай: в то время как другие народы, после уничтожения их правителей и их «органов мысли» (политиков, ученых, офицеров, художников, учителей) ожидала участь безропотных рабов, евреям предстояло обязательное уничтожение. Фашисты в Восточной Европе в целях лучшей организации еврейских общин вначале наделяли влиятельных граждан, ученых, раввинов, политиков большими полномочиями: это было им нужно исключительно для более рационального проведения геноцида.

Мрак сгушался постепенно. Е. Эткинд, переводчик поэмы и автор предисловия к ней, приводит свидетельства дневника Виктора Клемперера, профессора Дрезденского университета, о постепенном вытеснении евреев из Германии. Сначала профессору запрещают задавать вопросы студенту-арийцу, печатать на машинке и вообще ее иметь, держать птиц и домашних животных, ходить по левой стороне улицы, посещать библиотеку. Логическим завершением должна быть насильственная смерть... Но когда все происходит постепенно, а вокруг остаются те же заботы, дома, люди, небо — рядом со страхом живет надежда: «долго плохо быть не может», а потом «хуже уже не будет». Недаром многие обитатели гетто с энтузиазмом встретили создание органов самоуправления — юденратов — и, веря в «спасение через работу», выступали против создания групп Сопротивления. Полная картина испытаний способна вызвать паралич страха или взрыв возмущения. Завоеватели, желая избежать последнего, вводили ограничения постепенно, одновременно замыкая общины и лишая их связи между собой.

Что могло быть Сопротивлением в таких условиях? Вначале — неподчинение запретам оккупационных властей. Была образована подпольная экономика для спасения жителей гетто от голодной смерти, совершались религиозные обряды, была создана тайная система образования и прессы. С 1942 года, ког-

да окончательно стало ясно, что на территории, захваченной нацистами, гибель грозит всему народу, во многих гетто были образованы боевые группы; те, кто успел, ушел в партизаны или присоединился к другим организациям Сопротивления.

Ицхак Каценельсон родился в 1886 году около города Ново-грудска под Минском. Начало войны встретил как сложившийся поэт, выпустивший несколько стихотворных сборников, и просветитель, основавший в Лодзи театр и сеть еврейских школ. События поэмы обнимают создание варшавского гетто, гибель жены с младшими сыновьями в Трешинке, знаменитое восстание в гетто зимой 1943 года, его уничтожение, гибель самого автора со старшим сыном в Освенциме.

Ицхак Каценельсон

Vita brevis, ars longa. Рукопись поэмы спасли от небытия две женщины: одна увезла ее в ручке чемодана из Виттеля — последнего места заключения Каценельсона, другая через несколько месяцев в уже освобожденной Франции откопала под деревом еще один экземпляр, спрятанный в трех бутылках. Война еще не кончилась к моменту выхода в свет поэмы, и парижский издатель выражал надежду, что автор жив, еще не зная, что тот погиб в Освенциме.

Поэма Каценельсона — плач о погибших и заветание живым:

Пой вопреки всему, наперекор природе,
Ударь по струнам, пой, сердцами овладей!

Он поет о погибших друзьях, детях, жене, маленьких сиротах, с которыми он ставил пьесу, специально для них написанную, и которые погибли первыми. Поет о тех, кто спасал своих детей даже ценой жизни. О высоком смиреннии, с которым седой раввин говорит службе, принуждаемому фашистами оскорбить достоинство священника: «Будь горд, но подчинись врагу».

Поет о том, что палач убивает, даже пройдя мимо:

Он застрелил другого, не меня.
И все-таки меня. Нет, нас обоих...

...И весь бездомный

Народ наш, выбравший чужую Польшу,
Испепелил его недвижный глаз.

Поет о том, кто убивает, и том, кто помогает убийцам. О тех, кто, будучи не в силах сопротивляться, не хочет быть убийцей: Адам Черняков, глава варшавского юденрата, кончает с собой, оставив записку: «Они требуют от меня, чтобы я своими руками уничтожил детей моего народа. Мне ничего не остается, как умереть». Он поет о том, что сопротивление им, даже если оно обречено, — единственный способ остаться человеком в нечеловеческих условиях:

Последний

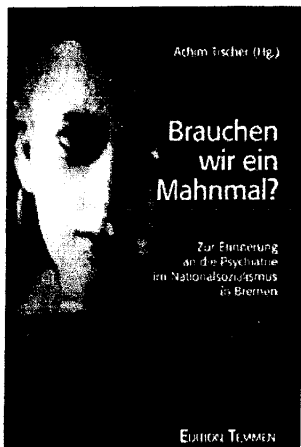
Еврей, убивший палача, спасет
От гибели народ, пусть истребленный,
Но не погибший.

Это действие имеет и для автора, и для нас значение, намного большее своего непосредственного смысла и результата. Сопротивление — не просто месть обидчику, моему или моего народа, не только жест отчаяния. И не только для религиозных людей существует представление о вещах, выходящих за пределы «круга земного бытия». Так, погибший Гектор в «Илиаде» остается героем даже в глазах своих врагов; раскаяние апостола Петра в своем страхе смерти преодолевает этот страх. Обреченный узник, сохранивший достоинство, становится выше смерти. Не тогда ли говорят о надежде без надежды? Ведь и поэма, последний акт сопротивления, который был доступен Каценельсону после разгрома восстания, могла погибнуть, и люди бы о ней не узнали. Но лучше пусть узнают.

Книжкино ревью

Нужен ли нам памятник?

Tischer, Achim (Hg.). *Brauchen wir ein Mahnmal? Ein Projekt zur Erinnerung an die Psychiatrie im Nationalsozialismus in Bremen.* Bremen: Temmen, 2000.

Интересная книга, в которой описывается внушающая ужас деятельность нацистских психиатров в немецком городе Бремене, а также не прекращающиеся до наших дней дискуссии на эту тему среди немецких антифашистов. Книга состоит из статей на темы, относящиеся к дискриминации и уничтожению душевнобольных и инвалидов. Следуя за логикой авторов, читатель задает себе ряд вопросов: каким именно образом чтить память жертв, нужен ли для этого памятник и если нужен, то как он должен выглядеть.

Авторы книги — группа людей, которые в течение десяти лет проводили кампанию за создание подобного мемориала в одной из главных больниц Бремена.

В предисловии Ахим Тишер, один из авторов книги, еще раз напоминает читателю количество жертв нацистской медицины в Германии: более 300 000 человек были стерилизованы вопреки их воле и более 150 000 человек были убиты в соответствии с нацистской программой «эвтаназии». В книге описывается, например, судьба Меты Шольц, молодой женщины, которую муж отдал в неврологическую клинику. Непредельный диагноз, жестокие методы лечения лекарствами и электрошоком, откровенные отказы на просьбы мужа выписать ее и в конце концов смерть от голода поставили ее в ряд тысяч других жертв. Еще одна жертва, описываемая в книге — Доротея Бук, — пережив нацистский террор, всю свою жизнь пыталась заставить общество признать, что психически больные люди подвергались преследованиям. В 1969 году она написала театральную пьесу под названием «Трагедия «эвтаназии», в которой обобщила результаты своих исследо-

ваний, а также призвала осознать эту часть нацистского прошлого и высказала критическое отношение к современному положению в немецких психиатрических клиниках. В то время никто не заинтересовался постановкой этой пьесы.

Речь, произнесенная другим автором книги, Кристин Вишер, 26 лет спустя, на церемонии поминовения жертв в Бремене, содержит ту же критику, но основанную на других примерах. Автор с огромным тактом показывает, как немецкое общество борется со своим прошлым. Главным образом она критикует немецкое здравоохранение за его ошибки в прошлом и за его неспособность уменьшить значение чисто технических методов лечения, доминирующих сейчас в немецкой медицине. Для нее абсолютно ясно, что в медицине главную роль должен играть человеческий фактор, и она настаивает на продолжении давления на немецкую медицину и общественность по этим важнейшим вопросам.

Анализ, выполненный Хельмутом Хафнером, возвращает нас к темам, затронутым в «Тум-балалайке» № 13: превращение немецкой психиатрии в национал-социалистическую политику расовой гигиены, а также связь немецкой цивилизации с Холокостом (на что указывал Бауман). Единственно возможный вывод, согласно Хафнеру, состоит в признании того, что увековечение памяти жертв необходимо.

Ахим Тишер, возвращаясь к вопросу о возможных формах поминовения, описывает церемонию, которая имела место в Обрзитце в Польше, где были убиты и захоронены в общих могилах 307 жителей Бремена.

Остальные статьи книги рассказывают о том, что способствовало проведению выставки проектов, а затем и созданию постоянного памятника в Бремене.

Книгу «Brauchen wir ein Mahnmal» можно взять в антифашистской библиотеке.

Б. Гармсон

Прямой репортаж из камеры смертников

«Live From Death Row». Mumia Abu Jamal. Addison-Wesley Publishing Company, USA, 1995.

Книгу Мумии Абу Джамала «Live From Death Row» («Прямой репортаж из камеры смертников») можно охарактеризовать одной фразой: обвинение против расизма в американской судебной системе. Абу Джамал уже 17 лет сидит в Хантингдонской тюрьме в Пенсильвании (см. «Тум-балалайку» № 15–16). В своей книге он пишет о различных способах исполнения смертного приговора в США, о все возрастающем числе смертных приговоров, о двойных стандартах, которыми руководствуются американские суды и тюрьмы, о проявлениях расизма и борьбе с ними афро-американцев, а также (и не в последнюю очередь) о собственной судьбе. В книге 40 статей, все они написаны превосходным, профессиональным журналистским языком.

Первую из этих статей Мумия написал для Йельского университетского журнала по правоведению в 1991 году. Он не только вводит своих читателей в жестокий мир Хантингдон-

ской тюрьмы, но и размышляет о парадоксальности и расистском характере политики в отношении смертников в США. Мумия подчеркивает важность дела Мак-Клески — Кемпа: Верховный суд США отказался принять аргументацию Мак-Клески, который доказывал (основываясь на данных статистики), что в Америке расовая принадлежность обвиняемого является решающим фактором при вынесении приговора. Мумия сравнивает сегодняшнюю ситуацию с положением в южных штатах после отмены рабства, когда бывших рабов лишили конституционных прав по решению расистского суда.

Тюремная жизнь смертников, о которой рассказывает Мумия, не столь ужасна по сравнению с тем, что известно о тюрьмах России или других государств, чья политика в сфере прав человека также оставляет желать лучшего. Но ведь все, о чем говорит Абу Джамал, происходит в США, где правам человека уделяют повышенное внимание — по крайней мере, так предполагается.

Мумия описывает принудительное лечение транквилизаторами, посещения, во время которых заключенному не разрешается прикоснуться к посетителю, изоляторы, ежедневные прогулки в клетках (только для чернокожих), юридические

Мумия Абу-Джамал

ошибки, растущее число молодых людей, приговоренных к пожизненному заключению, пытки и запугивание со стороны тюремного начальства в ответ на мирные протесты заключенных, дурные условия жизни в тюрьме. Больше всего критики приходится на долю последних тенденций в американской пенитенциарной системе. Мумия, вместе с «Международной амнистией» и другими правозащитными организациями, осуждает новые тюрьмы строгого режима, где новейшими способами, с помощью систематического устрашения калечат человеческую психику.

Еще одна тема этой книги — введение смертной казни для психически больных людей: например, автор рассказывает о случае, когда одного из таких заключенных, Данкинса, дважды сажали на электрический стул.

Мумия задается вопросом, насколько реальность соответствует тому, как должна функционировать юридическая система. Он отмечает случаи протеста отдельных членов Верховного суда США против смертной казни, а также то, что подозреваемым отказывают в праве быть судимыми судом присяжных. Наконец, Мумия говорит о программе администрации Клинтона, утвердившей 60 новых смертных приговоров и предусматривавшей резкое увеличение числа тюрем, а также серьезное ограничение прав заключенных, таких как, например, возможность получать высшее образование.

Мумия приходит к выводу о том, что цель нынешней пенитенциарной системы — не в исправлении преступников, а в том, чтобы контролировать, эксплуатировать заключенных и лишать их законных прав. Американские тюрьмы и судебная система, которая стоит за ними, представляют собой угрозу для большинства афро-американского населения страны: дискриминация по расовому признаку пронизывает все. Поэтому афро-американская часть общества выработала свое отношение к полиции, тюрьме и смертным приговорам. В доказательство Мумия напоминает нам о бунтах 1992 года в Лос-Анджелесе и о том, что чернокожие «смертники», в отличие от многих белых американцев, никогда не просят о казни для себя.

В нескольких последних статьях книги Мумия излагает свои взгляды на расизм и общество. Он указывает на уязвимость афро-американской общины и недостатки существующих антирасистских движений.

Познакомившись с тем, как Мумия описывает свою жизнь, многие скажут, что этот человек прежде всего индивидуалист, хотя и искренне исповедующий идеи антирасизма, социализма, защиты прав человека и стремящийся к правде и справедливости. К сожалению, Мумия не склонен смотреть критически на своих товарищей из афро-американских политических организаций, например на Хью П. Ньютона, лидера «Черных Пантер», поддерживавшего дружеские отношения с диктаторами некоторых азиатских государств. Этим он ставит себя в один ряд с огромным количеством представителей американской интеллигенции, которые отвергают трезвый интернационализм.

Тем не менее «Прямой репортаж из камеры смертников» — это книга, которая демонстрирует отрицательные стороны американской системы правосудия и расизм, во многом определяющий социальные отношения в США. Эту книгу, безусловно, стоит прочесть всем антифашистам.

Гномик Автономик

Дорогие читатели и авторы «Тум-балалайки»!

Не огорчайтесь, что это последний прочитанный вами номер «антифашистской газеты вольных ежей»! Издатели собираются в скором времени выпустить первый номер нового журнала того же направления. Мы надеемся, что вы по-прежнему будете присылать нам свои статьи, письма и другие литературные произведения, а также сообщать нам адреса, по которым вы хотите получать наше новое детище.

В помещении общества «Мемориал» работает антифашистская библиотека

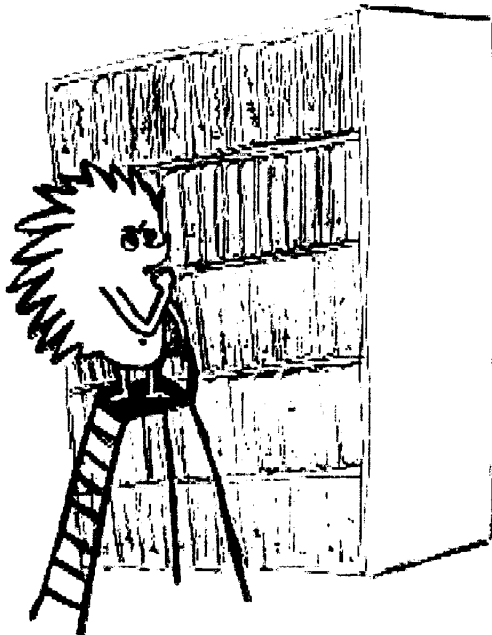
В фондах библиотеки хранятся книги по проблемам фашизма, нацизма, тоталитаризма, правозащитная литература.

Имеется уникальная коллекция антифашистских периодических изданий, выходящих в России, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании.

Читатели могут воспользоваться алфавитной и систематической картотекой статей и книжных изданий по данной тематике, составленной на основе материалов Российской Национальной библиотеки и содержащей информацию по фондам многих библиотек России.

Библиотека открыта в понедельник и среду с 11 до 17 часов, в четверг с 14 до 20 часов.

Справки по телефону 314-23-68 (добавочный 3).
Адрес: Разъезжая ул., д. 9 (вход со двора)

Учредитель: Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург, Разъезжая ул., 9

Отпечатано при поддержке общественной организации
«Гражданский контроль» 191186, Санкт-Петербург,
Малая Конюшенная ул., 5

Адрес редакции: 189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, а/я 8,
Ежовой Е. Т.

<http://tumbalalaika.memo.ru>

Тираж 500 экз.

Любые перепечатки приветствуются.

Просим по возможности ссылаться на источник.